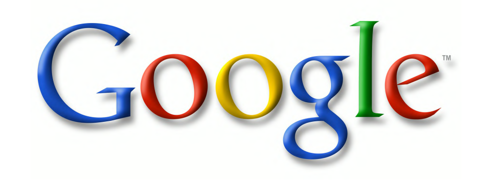

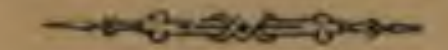
Н. В. ГОГОЛЬ

и

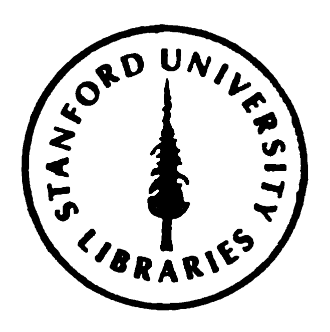
ЕГО НОВЫЙ БІОГРАФЪ.

(По поводу книги г. Шенрока: «Матерьялы для біографіи Гоголя» Т. I. Москва 1892).

Ѳ. А. Витберга.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Училища Глухонѣмыхъ, Гороховая ул., домъ № 18
1892.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 11 Апрѣля 1892 года.

Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» нынѣшняго года помѣщена мною краткая рецензія на книгу г. Шенрока о Гоголѣ. Указавъ на главнѣйшія погрѣшности въ этой книгѣ, я заявилъ, что, въ виду этого, ее слѣдуетъ подвергнуть болѣе подробному и обстоятельному разсмотрѣнію. Это я и исполнилъ въ предлагаемой брошюрѣ.

Написать біографію какого либо лица и очень трудно и очень легко. Все зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на вопросъ и какими цѣлями задаваться. Если біографъ будетъ имѣть въ виду только простой сводъ напечатаннаго біографическаго матерьяла, то эта задача осуществляется довольно легко и главное затрудненіе тутъ можетъ представиться только въ большемъ или меньшемъ обиліи напечатаннаго матерьяла. Но если біографъ задается цѣлію, воспользовавшись обнародованными данными, выяснить передъ читателями нравственную личность своего героя, раскрыть его нравственную сущность, то для этого мало одного простаго свода напечатанныхъ, отрывочныхъ и часто разнорѣчивыхъ данныхъ. Тутъ задача чрезвычайно осложняется и можетъ быть раздѣлена на частныя задачи, удачное разрѣшеніе которыхъ одинаково необходимо для успѣха предпринятой работы.

Для такого біографическаго труда необходимо:

Во первыхъ, точно и опредѣленно установить хронологическія даты, что, въ отношеніи, напр., Гоголя представляетъ вопросъ почти нетронутый.

Во вторыхъ, точно и опредѣленно разрѣшить множество вопросовъ о фактической достовѣрности тѣхъ или другихъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній, причемъ можетъ оказаться необходимымъ многія, считающіяся достовѣрными, данныя отвергнуть или подвергнуть сомнѣнію и замѣнить ихъ другими, до сихъ поръ незамѣченными или пропущенными. Эта сторона біографіи Гоголя тоже мало разработана и въ ней до сихъ поръ повторяются біографами факты, достовѣрность которыхъ ничѣмъ недоказана.

Въ третьихъ, по исполненіи уже указанной въ предъидущихъ двухъ пунктахъ работы, необходимо, составивъ себѣ общее и ясное представленіе о нравственной сущности данной личности, о ея главныхъ, основныхъ нравственныхъ свойствахъ, прослѣдить эти свойства въ ихъ проявленіи во внѣшнихъ фактахъ жизни избраннаго лица. Это—самая главная и существенная часть работы, и для успѣшнаго ея исполненія, кромѣ подробной и основательной разработки тѣхъ сторонъ, которыя указаны въ двухъ предъидущихъ пунктахъ, необходимъ очень подробный и искусный психологическій анализъ.

Но и этимъ еще не исчерпывается задача біографа. Есть еще одна сторона въ этой работѣ, наиболѣе, можетъ быть, трудная и потому наирѣже встрѣчающаяся. Это—умѣнье безпристрастно и, по возможности, объективно изобразить самого героя біографіи, изобразить его такъ, чтобы на первомъ планѣ стоялъ не біографъ и не его мнѣнія, взгляды и сужденія, а само изображаемое лицо, чтобы читатель не столько встрѣчался съ мнѣніями, взглядами и сужденіями біографа, сколько съ внутреннимъ міромъ того лица, чья біографія пишется.— Помимо возможной полноты данныхъ, цѣль эта достигается умѣньемъ біографа, не выставляя себя передъ читателемъ, не навязывая ему своихъ собственныхъ мнѣній, взглядовъ и сужденій, заставить говорить самые факты, изъ которыхъ читатель могъ бы самъ сдѣлать тотъ выводъ, который изъ нихъ вытекаетъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, могъ бы ясно видѣть ходъ мыслей біографа и провѣрить его своимъ собственнымъ соображеніемъ, руководствуясь представленными въ біографіи данными.—Поэтому, главными качествами біографіи должны быть простота, ясность и точность, которыя достигаются тогда, когда авторъ біографіи не будетъ смотрѣть на читателя, какъ на неразумнаго ребенка, которому надо растолковывать самыя простыя вещи, а будетъ помнить, что все его значеніе передъ читателемъ заключается въ обязанности дать ему въ руки вѣрные и точные факты.

Съ этихъ точекъ зрѣнія и должно оцѣнивать всякую біографическую работу.—И если приложить ихъ къ недавно появившемуся біографическому труду о Гоголѣ г. Шенрока, то въ немъ окажутся довольно существенные пробѣлы. Правда, судя по заглавію, книга его не претендуетъ, повидимому, на

значенiе полной бiографiи Гоголя. Она названа: «Матерiалы для бiографiи Гоголя». Но заглавiе это не соотвѣтствуетъ содержанiю и дано авторомъ или «изъ скромности» или по какому то недоразумѣнiю. Матерiаловъ въ строгомъ смыслѣ, т. е. новыхъ, никому до сихъ поръ неизвѣстныхъ документовъ о Гоголѣ, въ книгѣ очень немного: устные разсказы друга Гоголя А. С. Данилевскаго (въ передачѣ г. Шенрока), отрывки изъ дневника А. О. Смирновой (рожденной Россетъ), нѣсколько писемъ самого Гоголя и его матери, нѣсколько документовъ объ отцѣ Гоголя, Василiи Аѳанасьевичѣ, отрывки изъ безъимяннаго дневника одного изъ товарищей Гоголя о нѣжинской гимназiи,—вотъ и всѣ матерьялы въ книгѣ г. Шенрока. Всѣ они занимаютъ maximum 30 стр. Остальныя 350 стр. представляютъ бiографическiй трудъ о Гоголѣ самого г. Шенрока, въ которомъ исчисленные матерьялы помѣщены, частiю въ текстѣ, частiю въ приложенiи, въ качествѣ оправдательныхъ документовъ. Слѣдовательно, не ими опредѣляется содержанiе книги г. Шенрока.

Въ текстѣ (стр. 23) авторъ болѣе точно опредѣляетъ это содержанiе говоря, что онъ беретъ на себя смѣлость «предложить общественному вниманiю только скромную попытку составить посильный обзоръ жизни Гоголя, на основанiи матерьяла, заключающагося преимущественно въ письмахъ», причемъ онъ имѣлъ цѣлью собрать по возможности и свести въ одно цѣлое весь накопившiйся печатный матерьялъ о Гоголѣ, «высказать предположенiя, возникающiя при внимательномъ изученiи писемъ и подвергнуть ихъ провѣркѣ специалистовъ» и, наконецъ, «по мѣрѣ силъ, хотя отчасти возстановить исторiю его внутренняго развитiя на основанiи имѣющихся данныхъ». Очевидно, слѣдовательно, что передъ нами не просто «Матерiалы» для бiографiи Гоголя, а самостоятельный бiографическiй трудъ о Гоголѣ или, вѣрнѣе сказать, начало такого труда, потому что, по заявленiю автора, все сочиненiе его будетъ состоять изъ трехъ томовъ.

Къ этой, задуманной г. Шенрокомъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, новой бiографiи Гоголя можно и должно отнестись съ серьезными и строгими требованiями. Къ этому насъ обязываетъ, прежде всего, важность самаго предмета. Мы до сихъ поръ не имѣемъ основательной и подробной бiографiи Гоголя, вслѣдствiе чего объ немъ существуютъ у насъ самыя

невѣрныя, превратныя понятія и разсказываются факты, болѣе чѣмъ сомнительные. Во вторыхъ, г. Шенрокъ такъ давно занимается біографіей Гоголя, собираніемъ матерьяловъ объ немъ и ихъ изученіемъ, что если отъ кого, то именно отъ него мы въ правѣ ожидать основательной, серьезно обработанной и провѣренной по документальнымъ даннымъ біографіи нашего великаго писателя. Наконецъ, въ третьихъ, біографія всякаго замѣчательнаго общественнаго дѣятеля, а Гоголя, можетъ быть, даже по преимуществу, есть трудъ, который непремѣнно будетъ имѣть гораздо большій кругъ читателей, чѣмъ какое-либо спеціально-научное сочиненіе. Если послѣднее заинтересуетъ преимущественно небольшой кругъ спеціалистовъ, то первая распространяется во всемъ образованномъ обществѣ; біографія же писателя находитъ себѣ наибольшій кругъ читателей, главнымъ образомъ, въ сферѣ педагогической. Сочиненія Гоголя, напр., входятъ въ программу нашихъ среднеучебныхъ заведеній и, поэтому, учителямъ русской словесности приходится говорить объ немъ на урокахъ, а старшимъ ученикамъ приходится изучать его. Слѣдовательно, всякое новое сочиненіе о Гоголѣ найдетъ себѣ читателей преимущественно въ этой средѣ учащихъ и учащихся. И если масса фактовъ, свѣдѣній и идей распространяется у насъ путемъ періодической прессы, то, можетъ быть, не меньшая масса ихъ проникаетъ въ общество путемъ школы. Слѣдовательно, нельзя относиться равнодушно къ научной цѣнности того матерьяла, который распространяется въ обществѣ этимъ путемъ. Не надо, при этомъ, забывать также и того, что не всѣ читатели могутъ критически провѣрить вновь появившійся трудъ. Это доступно только тѣмъ, кто живетъ въ большихъ научныхъ центрахъ, гдѣ можно найти болѣе или менѣе богатую библіотеку и въ ней воспользоваться тѣми или другими матерьялами для самостоятельной провѣрки вновь вышедшаго сочиненія. — Но весьма многіе фактически лишены этой возможности и принуждены полагаться въ данномъ случаѣ на чужіе труды. Поэтому, всякій, выступающій передъ читателями съ трудомъ, подобнымъ труду г. Шенрока, нравственно обязанъ быть въ высшей степени строгимъ и разборчивымъ въ обработкѣ избраннаго имъ предмета, зная заранѣе, что большинство читателей повѣритъ ему на слово, какъ послѣднему слову науки. Силою вещей всякій подобный трудъ вытѣсняетъ труды пред-

шествовавшіе и становится единственнымъ источникомъ, изъ котораго большинство читателей будетъ почерпать свои свѣдѣнія по данному вопросу.

Всѣ эти соображенія кажутся мнѣ совершенно достаточными для того, чтобы оправдать самую строгую и серьезную провѣрку вновь вышедшаго сочиненія г. Шенрока.

Примѣняя къ нему тѣ требованія отъ біографическаго труда, на которыя указано было выше, мы найдемъ въ немъ весьма существенные промахи во всѣхъ трехъ отношеніяхъ: и въ отношеніи хронологической точности, и въ отношеніи фактической достовѣрности и, наконецъ, въ отношеніи яснаго и опредѣленнаго представленія основныхъ нравственныхъ свойствъ Гоголя.

Труду своему авторъ предпослалъ «краткій обзоръ литературы о Гоголѣ» (который тоже свидѣтельствуетъ, что книга г. Шенрока не «матерьялы», а систематически обработанный біографическій трудъ о Гоголѣ) и хотя на стр. 23 этого обзора и сказано, что одной изъ задачъ автора было «по возможности свести и собрать въ одно все, что мы могли извлечь изъ многочисленныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ и, такъ сказать, погребенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ старыхъ лѣтъ» (значитъ, книга написана не по однимъ только письмамъ), но исполненіе далеко не соотвѣтствуетъ намѣренію, и г. Шенрокъ не только не собралъ всего, извѣстнаго намъ матерьяла о Гоголѣ, но не воспользовался какъ слѣдуетъ и тѣмъ, на который ссылается въ своей книгѣ. Чтобы показать это, я вынужденъ войти въ разныя мелкія, но весьма существенныя въ біографическомъ трудѣ, подробности.

Начну съ внѣшней стороны дѣла, т. е. съ провѣрки хронологическихъ данныхъ. Неточности въ этомъ отношеніи встрѣчаются въ книгѣ г. Шенрока довольно часто и, притомъ, не только въ вопросахъ запутанныхъ и трудно разрѣшимыхъ по недостаточности или невѣрности данныхъ, но даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ достаточно простой справки.

На стр. 151 онъ говоритъ, напр., что Гоголь съ Данилевскимъ, уѣзжая, по окончаніи курса въ Нѣжинской гимназіи, въ Петербургъ, прожили нѣсколько дней въ Нѣжинѣ, гдѣ «повидались съ нѣкоторыми товарищами и, между прочимъ, съ неуспѣвшимъ выѣхать въ Петербургъ же Прокоповичемъ». — Выходитъ, что послѣдній кончилъ курсъ

вмѣстѣ съ Гоголемъ и не поѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ только потому, что не успѣлъ собраться. Между тѣмъ, онъ кончилъ курсъ годомъ позже Гоголя, а слѣдовательно не могъ и собираться ѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ съ Гоголемъ. («Гимн. высш. наукъ и Лицей кн. Безбородко», изд. 2-е, Спб. 1881, стр. CXXIX—CXXX»).

На стр. 186 г. Шенрокъ говоритъ, будто письмо Гоголя къ матери, въ которомъ онъ причиной (?) своей первой поѣздки за границу выставляетъ болѣзнь, писано имъ по возвращеніи изъ-за границы. Между тѣмъ, оно писано не по возвращеніи, а изъ Любека, т. е. во время самаго пребыванія за границей.

Вопросъ о времени поступленія Гоголя на службу совсѣмъ не разсмотрѣнъ и относящіяся къ нему хронологическія данныя не разъяснены. Въ противность существующимъ фактамъ, г. Шенрокъ увѣряетъ, что, кромѣ письма къ матери отъ 2 апр. 1830 г., «сообщенія со стороны Гоголя о поступленіи его на службу передъ этимъ мы, однако, нигдѣ не находимъ» (стр. 233). Оказывается, такимъ образомъ, что авторъ вовсе не воспользовался тѣми, хотя и противорѣчивыми, данными, которыя мы находимъ въ письмахъ Гоголя. Между тѣмъ вопросъ этотъ одинъ изъ самыхъ запутанныхъ, и если не разъяснить его, то хоть указать на существующія въ немъ разногласія безусловно обязательно для біографа, желающаго имѣть подъ ногами твердую фактическую почву. Въ статьѣ моей, помѣщенной въ «Русск. Жизни» 1891 г., которую не разъ цитируетъ и самъ г. Шенрокъ, мною было указано, что уже въ концѣ 1829 г. Гоголь былъ на службѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ приложенная къ письму его къ матери отъ 2 апр. 1830 г. вѣдомость его прихода и расхода за дек. 1829 и янв. 1830 г., въ которой показано Гоголемъ жалованье за декабрь мѣс., не полученное имъ по случаю переименованія въ чинъ, и за январь—30 р. Слѣдовательно, онъ получалъ въ это время 360 р. въ годъ. Безъ сомнѣнія, объ этомъ именно мѣстѣ онъ писалъ матери отъ 27-го окт. и отъ 12-го нояб. 1829 г, причемъ въ послѣднемъ письмѣ, сообщая, что надѣется получить «довольно порядочное мѣсто въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ», предупреждаетъ, что жалованья не получитъ раньше двухъ мѣсяцевъ. (Кулишъ, V, 97 и 98). На этомъ мѣстѣ онъ пробылъ до опредѣленія своего въ Де-

партаментъ Удѣловъ (въ мартѣ или апрѣлѣ 1830 г.), потому что въ февр. 1830 г. опять находимъ въ письмѣ къ матери извѣстіе: «снова (послѣ болѣзни) хожу каждый день въ должность» (Кулишъ, V, 103). Про жалованье же онъ писалъ въ томъ же письмѣ, что получаетъ «сущую бездѣлицу».—Это ничтожное жалованье, вѣроятно, и было причиной перемѣны мѣста, ибо въ Департаментѣ Удѣловъ онъ получалъ жалованья около 500 руб. (Кулишъ, V, 106). Разница эта настолько была существенна въ глазахъ Гоголя, сильно въ это время нуждавшагося, что онъ сообщилъ матери о новомъ своемъ мѣстѣ въ такихъ выраженіяхъ, какъ будто онъ до тѣхъ поръ былъ безъ мѣста: «Послѣ безконечныхъ исканій, мнѣ удалось, наконецъ, сыскать мѣсто», т.-е. найти мѣсто хоть сколько нибудь удовлетворяющее насущнымъ потребностямъ. Это и заставляетъ біографовъ думать, будто до тѣхъ поръ онъ нигдѣ не служилъ.

Вмѣсто того, чтобы воспользоваться только что приведенными мною данными и разъяснить вопросъ, г. Шенрокъ еще болѣе его запутываетъ, приписавъ замѣткѣ, помѣщенной въ «Сборн. Студен. Спб. Унив.» (вып. 1-й, стр. 345) то, чего тамъ нѣтъ и не могло быть, ибо замѣтка сообщаетъ оффиціальный документъ, именно—отрывокъ изъ аттестата, выданнаго Гоголю при отставкѣ изъ Деп—та Удѣловъ и помѣченнаго 25 янв. 1832 г. Въ ней сказано, что Гоголь поступилъ въ Деп—тъ Удѣловъ 10 апр. 1830 г.; указомъ Правительствующаго Сената того же года іюня 3-го утвержденъ въ чинѣ коллежскаго регистратора со старшинствомъ со дня вступленія въ службу, а 10 іюля помѣщенъ на вакансію помощника столоначальника. «Прошлаго же 1831 г. марта 9, по прошенію его, изъ Департамента Удѣловъ уволенъ».

Откуда же взялъ г. Шенрокъ, ссылающійся на эту замѣтку, будто 9 марта 1831 г. (т.-е. въ день увольненія своего изъ Деп—та) Гоголь получилъ мѣсто помощника столоначальника, «которое и занималъ до 1832 г.» (стр. 232)? Ничего этого въ замѣткѣ, помѣщенной въ «Сборн. Студ.», нѣтъ и не могло быть, потому что уже 10 марта 1831 г., т.-е. на другой день по увольненіи изъ Департамента Удѣловъ, Гоголь занялъ должность старшаго учителя исторіи въ Патріотическомъ институтѣ (Кулишъ: «Зап. о жизни Гоголя», I, 84) и, слѣдовательно, не могъ уже оставаться на службѣ въ Департаментѣ.

Но приведенными мною данными вопросъ о времени поступленія Гоголя на службу еще не исчерпывается. Въ письмахъ его находимъ такія указанія, которыя окончательно затемняютъ этотъ вопросъ, такъ что безъ какихъ либо новыхъ и положительныхъ свѣдѣній разобраться въ немъ дѣлается невозможнымъ. Въ письмѣ къ матери отъ 3-го іюня 1830 г. встрѣчаемъ сообщеніе, что онъ служитъ третій мѣсяцъ и, слѣдовательно, опредѣлился на службу въ мартѣ; но 1-го сент. того же года онъ писалъ ей: «Всего только четыре мѣсяца, какъ я служу». Въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ поступить на службу не въ мартѣ, а въ маѣ. Должно, впрочемъ, принять во вниманіе, что Гоголь вообще не всегда точенъ въ фактическихъ своихъ указаніяхъ и, кромѣ вышеприведеннаго, въ его письмахъ можно найти и другіе случаи фактической неточности, проистекающей, конечно, не изъ умысла, а отъ полнаго невниманія къ внѣшней сторонѣ своей жизни.

Наконецъ, есть еще одно обстоятельство въ этомъ вопросѣ, тоже возбуждающее сильныя сомнѣнія. Въ цитированной выше вѣдомости прихода и расхода Гоголя сказано, что онъ не получилъ жалованья за дек. 1829 г. по случаю переименованія въ чинъ. А изъ аттестата объ отставкѣ его изъ Деп—та Удѣловъ мы узнаемъ, что первый чинъ онъ получилъ на службѣ въ этомъ Деп—тѣ, 3 іюня 1830 г. За симъ, меньше чѣмъ черезъ годъ, онъ поступаетъ учителемъ въ Патріотическій институтъ «въ чинѣ титулярнаго совѣтника». (В. Г—скій: «Замѣтки для біогр. Гоголя», Современ. 1852, X, отд. VI, стр. 144—145).

При такой запутанности свѣдѣній о службѣ Гоголя прибавлять еще новыя неточности, искажая факты, какъ дѣлаетъ г. Шенрокъ, не слѣдовало бы.

Пренебрегая тѣми хронологическими данными, которыя дѣйствительно существуютъ и всегда могутъ быть въ рукахъ біографа, г. Шенрокъ иногда пытается установить хронологію тамъ, гдѣ это совершенно невозможно. Такъ, на стр. 261 онъ категорически утверждаетъ, будто «можно установить приблизительно, что интересъ къ труду надъ «Вечерами» возникъ (у Гоголя) въ апрѣлѣ 1829 г. и постепенно возрасталъ до поѣздки заграницу, затѣмъ онъ на время значительно ослабѣваетъ».

Что нѣкоторыя повѣсти, вошедшія потомъ въ составъ

«Вечеровъ на хуторѣ», набросаны были Гоголемъ въ 1829 г., это весьма вѣроятно. Но—и только. Помимо этой хронологической даты у насъ нѣтъ никакихъ основаній для какихъ либо дальнѣйшихъ соображеній, для точнаго обозначенія даже мѣсяца, въ который начаты были эти повѣсти, и т. п. Поэтому, вышеприведенныя соображенія г. Шенрока представляются намъ совершенно произвольными и ни на чемъ не основанными. И это обнаруживается въ самомъ его изложеніи. На стр. 264 категорическій тонъ вышеприведенныхъ соображеній переходитъ уже въ предположительный, и оказывается, что изъ четырехъ разсказовъ, составившихъ первую книжку «Вечеровъ», только одинъ («Веч. наканунѣ Ив. Куп.») относится несомнѣнно къ 1829 г.; объ остальныхъ же сказано, что два изъ нихъ «вѣроятно» были начаты именно въ этомъ году. Можно-ли, спрашивается, при такихъ, шаткихъ для самого автора, условіяхъ дѣлать какіе-либо опредѣленные выводы и указывать даже на ходъ литературной работы?

Но особенно интересны, для характеристики обращенія г. Шенрока съ имѣющимися у него въ рукахъ матерьялами, тѣ хронологическія и фактическія несообразности, которыя допущены имъ при рѣшеніи вопроса о времени знакомства Гоголя со Смирновой (рожденной Россетъ) и Пушкинымъ.

На стр. 319—324 авторъ помѣстилъ выдержки изъ дневника А. О. Смирновой, стараясь при помощи ихъ разъяснить вопросъ о времени знакомства съ нею Гоголя. Но выдержки эти не только ничего не разъясняютъ, но еще болѣе запутываютъ вопросъ, такъ какъ всѣ хронологическія данныя въ дневникѣ Смирновой (въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ книгѣ г. Шенрока) перемѣшаны и разобраться въ нихъ невозможно. Достаточно указать на то, что въ дневникѣ отнесены къ 1830 году такія событія, которыя несомнѣнно произошли въ 1831 и даже 1832 г. Напр., подъ этимъ 1830 г. разсказывается въ дневникѣ о первомъ посѣщеніи Смирновой Гоголемъ, приведеннымъ къ ней Жуковскимъ и Пушкинымъ (стр. 323). Между тѣмъ несомнѣнно, что въ 1830 г. Пушкинъ и Гоголь еще не были знакомы и, слѣдовательно, Гоголь не могъ быть приведенъ къ Смирновой Пушкинымъ; значитъ, и самый фактъ произошелъ не въ 1830 г. Далѣе (стр. 324) Смирнова разсказываетъ, будто въ томъ же 1830 г. Жуковскій говорилъ съ ней о Гоголѣ и сообщалъ ей обо всемъ, на-

писанномъ Гоголемъ во время его путешествія и подмѣченномъ имъ «на пространствѣ между Полтавой и Петербургомъ». Тутъ, очевидно, рѣчь идетъ о поѣздкѣ Гоголя на родину. Но она совершена была имъ не въ 1830 г., когда онъ, по неимѣнію средствъ переѣхать даже на дачу, прожилъ все лѣто въ Петербургѣ, а въ 1832 году, въ чемъ можно убѣдиться по хронологическимъ датамъ на его письмахъ. Въ виду такихъ противорѣчій дневника съ несомнѣнными и вполнѣ достовѣрными данными, извѣстными намъ изъ другихъ источниковъ, позволительно подвергнуть сомнѣнію и всѣ остальныя хронологическія показанія дневника и, слѣдовательно, основываться на немъ одномъ въ данномъ вопросѣ не представляется возможнымъ.

На сколько самъ г. Шенрокъ не твердъ въ гоголевской хронологіи, видно изъ того, что онъ въ разбираемой книгѣ своей не только помѣстилъ безъ всякихъ оговорокъ и необходимыхъ поясненій эти сбивчивыя показанія дневника А. О. Смирновой, но даже отрекается отъ прежняго своего предположенія о знакомствѣ Гоголя со Смирновой въ 1831 г., вполнѣ положившись на запутанныя и лишенныя всякой хронологической правдоподобности показанія дневника Смирновой. Между тѣмъ, именно 1831 годъ и есть единственный, могущій примирить всѣ противорѣчія какъ въ разсказѣ Смирновой, такъ и въ хронологически невѣрномъ разсказѣ самого Гоголя, помѣщенномъ г. Шенрокомъ тоже безъ достаточныхъ оговорокъ и поясненій.

Надо замѣтить, что вопросъ этотъ, не лишенный значенія и самъ по себѣ, интересенъ, главнымъ образомъ, по связи своей съ вопросомъ о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ, ибо съ послѣднимъ Гоголь познакомился раньше, чѣмъ со Смирновой. Она сама говоритъ въ своемъ дневникѣ, что въ первый разъ Гоголь приведенъ былъ къ ней Пушкинымъ и Жуковскимъ, а это могло случиться только лѣтомъ 1831 г., такъ какъ именно въ это время Гоголь познакомился съ Пушкинымъ. До тѣхъ же поръ она только встрѣчала Гоголя въ обществѣ и знала его, какъ знаютъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчаются у знакомыхъ. О такой первой встрѣчѣ своей съ нимъ она и разсказываетъ въ своемъ дневникѣ подъ 1830 г. Но встрѣчу въ знакомомъ домѣ нельзя еще назвать знакомствомъ.

Весьма возможно, впрочемъ, что въ указанной мною путаницѣ виноватъ не дневникъ Смирновой, а небрежность г. Шенрока, который вовсе не обратилъ вниманія на то, что страницы дневника, какъ можно судить по его собственнымъ словамъ, перепутаны. Послѣ изложенныхъ событій въ дневникѣ «много говорится о политическихъ событіяхъ во Франціи и о свѣтской жизни при дворѣ; потомъ о выходѣ 1-го января, 1831 г. и объ елкѣ при дворѣ 24 декабря 1830 г.». «Но, къ сожалѣнію», замѣчаетъ г. Шенрокъ, «нѣсколько страницъ вырвано; годъ же выставлялся только вначалѣ, а далѣе мѣсяцы и числа большею частью не обозначены». Вотъ на это и надо было обратить особенное вниманіе, потому что отъ этого, по всей вѣроятности, и произошла вся путаница.

Запутавшись въ хронологическихъ показаніяхъ Смирновой, г. Шенрокъ не можетъ разобраться и въ вопросѣ о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ. Приходя на стр. 329 къ совершенно вѣрному выводу, что знакомство Гоголя съ Пушкинымъ, а, слѣдовательно, и со Смирновой (ибо второе произошло послѣ перваго) относится къ лѣтнимъ мѣсяцамъ 1831 г., онъ тутъ же неожиданно рѣшаетъ, что, слѣдовательно, его можно «почти навѣрное» пріурочить къ маю этого года. Какимъ образомъ май оказался лѣтнимъ мѣсяцемъ—непонятно. Точно также непонятно, зачѣмъ понадобилось г. Шенроку настаивать въ данномъ вопросѣ именно на маѣ мѣсяцѣ, когда это не согласуется съ извѣстными намъ остальными данными? Такъ какъ въ майскомъ номерѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщена отдѣльная статья моя объ этомъ вопросѣ, то я и не буду входить здѣсь въ дальнѣйшія подробности.

Не могу, однако, не указать еще на одну, несогласную съ фактами, подробность въ разсказѣ г. Шенрока. Настаивая на томъ, что Гоголя познакомилъ съ Пушкинымъ Плетневъ и именно въ маѣ мѣсяцѣ, онъ говоритъ: «притомъ, Плетневъ, остававшійся лѣтомъ въ Петербургѣ или, если жившій въ окрестностяхъ его, то развѣ въ другомъ мѣстѣ, напр., въ Лѣсномъ, гдѣ онъ не разъ проводилъ каникулы, является въ перепискѣ довѣреннымъ посредникомъ обоихъ писателей» (стр. 346).

Во первыхъ, по вопросу о томъ, гдѣ жилъ лѣтомъ 1831 г. Плетневъ: въ Петербургѣ или на дачѣ (что въ вопросѣ о

знакомствѣ Гоголя съ Пушкинымъ имѣетъ свое значеніе), не можетъ существовать никакого недоразумѣнія, никакого «или», потому что мы имѣемъ прямое свидѣтельство объ этомъ самого Плетнева. 19 іюля 1831 г. онъ писалъ Пушкину со Спасской мызы (дачи Кушелева, близъ Лѣснаго института), что слишкомъ мѣсяцъ не былъ въ Петербургѣ, «да и не намѣренъ до прекращенія холеры». Интереснѣе всего, что письмо это напечатано на той самой 374 стр. III тома сочиненій П. А. Плетнева, на которую сдѣлана ссылка у самого г. Шенрока: на стр. 346 онъ приводитъ относящееся къ этому письму примѣчаніе г. Грота, а въ самое письмо и не заглядываетъ. Во вторыхъ, о какомъ посредничествѣ Плетнева въ перепискѣ Гоголя съ Пушкинымъ въ теченіи мая и вообще лѣта 1831 г. говоритъ г. Шенрокъ? Было бы очень любопытно, если бы онъ указалъ хоть на одно письмо изъ ихъ переписки за это время. Первое письмо Гоголя къ Пушкину относится къ 16 августа 1831 г. (Русск. Арх. 1880, т. II, стр. 509), а первое письмо Пушкина къ Гоголю—къ 25 августа того же года (соч. Пушкина, изд. VIII, т. VII, стр. 351), да и они свидѣтельствуютъ не о посредничествѣ Плетнева въ перепискѣ нашихъ геніальныхъ писателей, а, наоборотъ, о посредничествѣ Гоголя въ сношеніяхъ Пушкина съ Плетневымъ.

Наконецъ, все въ этомъ же вопросѣ о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ допущена г. Шенрокомъ и еще одна хронологическая неточность. На стр. 345 онъ говоритъ, будто «въ іюнѣ 1831 г. Пушкинъ, Гоголь, Жуковскій и А. О. Россетъ (впослѣдствіи Смирнова) всѣ собрались въ Царскомъ селѣ и Павловскѣ». Это опять не вполнѣ согласно съ фактами. Только Пушкинъ и Гоголь уже въ іюнѣ мѣсяцѣ 1831 г. жили, первый—въ Царскомъ Селѣ, а второй—въ Павловскѣ. Жуковскій же и фрейлина Россетъ до 17 іюля жили съ дворомъ въ Петергофѣ. (Соч. Плетнева, т. III, стр. 372—374).

Закончу эти указанія на хронологическія неточности въ книгѣ г. Шенрока еще однимъ, небезъинтереснымъ для оцѣнки того источника свѣдѣній о Гоголѣ, которому г. Шенрокъ придаетъ особенное значеніе, именно—воспоминаній друга и товарища Гоголя, А. С. Данилевскаго.

На стр. 352 г. Шенрокъ, со словъ Данилевскаго, разсказываетъ весьма и весьма сомнительный фактъ, будто въ

1831 году, въ бытность свою на Кавказѣ, А. С. Данилевскій увлеченъ былъ родственницей (?!) Лермонтова, Э. А. Верзилиной. Но, во первыхъ, Верзилины вовсе не состояли въ то время въ родствѣ съ Лермонтовыми, а, во вторыхъ, г. Шенрокъ забылъ, что это та самая Верзилина, которая, десять лѣтъ спустя, была средоточіемъ кружка молодежи, во главѣ котораго стоялъ М. Ю. Лермонтовъ, которую называли «Розой Кавказа» и про которую Лермонтовъ сказалъ:

«Предъ дѣвицей Emilie
«Молодежь лежитъ въ пыли».

(соч. Лермонтова, изд. П. А. Висковатова, т. VI, стр. 397).

Сколько же ей было лѣтъ въ 1841 г., если она уже десять лѣтъ тому назадъ кружила голову такимъ красавцамъ, какимъ изображаетъ намъ Данилевскаго г. Шенрокъ? Очевидно, тутъ опять какая-то неточность, показывающая, что на разсказы А. С. Данилевскаго вполнѣ, безъ провѣрки, полагаться нельзя.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, внѣшняя, хронологическая точность въ изложеніи г. Шенрока оставляетъ желать очень многаго.

Тоже самое приходится сказать и по вопросу о фактической достовѣрности изложенныхъ въ его книгѣ свѣдѣній о жизни Гоголя.

Начну съ мелкаго, но въ фактическомъ отношеніи не безъинтереснаго вопроса. На стр. 362 г. Шенрокъ говоритъ, будто въ 1832 или 1833 г. (онъ такъ мало заботится о хронологической точности, что очень часто нельзя понять, о какомъ времени онъ говоритъ), Гоголь «переѣхалъ на Малую Морскую, въ д. Модераха, гдѣ оставался все время до отъѣзда за границу». Положимъ, вопросъ этотъ не важенъ и, въ сущности, рѣшительно все равно, на какой улицѣ и въ чьемъ домѣ жилъ Гоголь въ томъ или другомъ году. Но всѣ подобныя мелкія подробности важны не сами по себѣ, а потому, что иногда служатъ единственнымъ средствомъ для опредѣленія времени того или другаго событія.

Въ виду этого не могу не указать на неточность вышеприведенныхъ словъ г. Шенрока, такъ какъ за указанный имъ періодъ времени намъ извѣстно нѣсколько адресовъ Гоголя. 25 ноября 1832 г. онъ жилъ во II адмиралт. ч. въ Новомъ переулкѣ, д. Демутъ-Малиновскаго, близъ Мойки («Москви-

тянинъ», 1855). 20 февраля 1835 г.—въ Малой Морской, д. Лепеня (Кулишъ, V, 234). Сверхъ того, въ письмахъ его за 1833 г. попадаются свѣдѣнія о намѣреніи его перемѣнить квартиру. 8 мая 1833 г. онъ писалъ Погодину: «Адресуй мнѣ пока на имя Смирдина, потому что я думаю перемѣнить на этой или на той недѣлѣ квартиру непремѣнно» (Кулишъ, V, 179). Намѣреніе это онъ, по всей вѣроятности, привелъ въ исполненіе, хотя и не такъ скоро, какъ разсчитывалъ. Черезъ полтора мѣсяца, 24 іюня 1833 г., онъ о томъ же намѣреніи сообщалъ и матери, причемъ объяснилъ и причину, заставившую его перемѣнить квартиру: «я ищу теперь себѣ другую квартиру, потому что старая надоѣла мнѣ до смерти. Она меня заморозила зимою такъ, что одно только лѣто, подобное нынѣшнему, отогрѣло меня. А потому я прошу васъ до времени, покамѣстъ не извѣщу о новомъ адресѣ, писать письма или въ институтъ (Патріотическій) или въ магазинъ А. Смирдина». (Кулишъ, V, 182).

Но въ книгѣ г. Шенрока попадаются и болѣе существенныя фактическія неточности.

Такъ, на стр. 71-й онъ утверждаетъ, будто Гоголь «не любилъ воспитавшую его школу», и тутъ же, въ примѣчаніи, указываетъ на письмо Гоголя къ Н. Д. Бѣлозерскому, свидѣтельствующее какъ разъ о противоположномъ. Сообщивъ о дошедшемъ до него извѣстіи (къ счастію, оказавшемся невѣрнымъ), будто Нѣжинскій лицей сгорѣлъ, Гоголь писалъ: «Признаюсь, оно такъ меня огорчило, какъ не огорчило бы извѣстіе о сгорѣвшемъ моемъ собственномъ отцовскомъ домѣ» (Кулишъ, V, 251). Правда, это писано въ 1836 г., черезъ 8 лѣтъ по окончаніи имъ курса, но выраженное въ этихъ словахъ чувство, очевидно, родилось не потомъ, а въ стѣнахъ самаго заведенія и, слѣдовательно, его надо принимать въ разсчетъ, говоря объ отношеніяхъ Гоголя къ школѣ во время его въ ней пребыванія.

Вообще школьный періодъ жизни Гоголя разсмотрѣнъ г. Шенрокомъ весьма неудовлетворительно, такъ какъ онъ не обратилъ вниманія на самый существенный фактъ, на такъ называемую «Нѣжинскую исторію», разсказавъ объ ней такъ, какъ будто она разыгралась только изъ за существовавшихъ въ гимназіи театральныхъ представленій, которыя одни изъ преподавателей одобряли, а другіе—не одобряли. Между тѣмъ,

дѣло было гораздо серьезнѣе, и причины этой исторіи крылись не въ вопросѣ о театральныхъ зрѣлищахъ, а въ гораздо болѣе серьезномъ и существенномъ разногласіи въ средѣ нѣжинскихъ педагоговъ, раздѣлившемъ ихъ, въ концѣ концовъ, на двѣ враждебныя партіи, изъ коихъ одна оказалась сильнѣе, потому что была менѣе разборчива въ средствахъ, а потому и восторжествовала надъ своими противниками. Въ исторію эту побѣдившая партія замѣшала и воспитанниковъ, и въ томъ впечатлѣніи, какое она произвела на лучшихъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и на Гоголя, заключается источникъ того недовольства, той «нелюбви» въ школѣ, которыя авторъ указываетъ въ Гоголѣ.

Для уразумѣнія того «настроенія», какое должно было явиться у Гоголя и его ближайшихъ товарищей вслѣдствіе этой исторіи, достаточно указать на то, что пострадавшіе профессора, съ инспекторомъ Бѣлоусовымъ во главѣ, были лучшими профессорами, по отзывамъ такихъ учениковъ, какъ Гоголь, Рѣдкинъ и Куколькинъ: воспоминанія ихъ объ этихъ профессорахъ проникнуты теплымъ чувствомъ и искреннимъ уваженіемъ. Во главѣ же побѣдившей партіи стоялъ профессоръ Русскаго права Билевичъ, «знатокъ судейскихъ крючковъ», по отзыву одного изъ его учениковъ, анонимныя воспоминанія котораго помѣщены въ разбираемой книгѣ г. Шенрока (стр. 380—381), человѣкъ, котораго Гоголь и Данилевскій въ одномъ шутливомъ своемъ стихотвореніи помѣстили въ одну кампанію съ учителями танцованія и фектованія (см. Стихотворенія Н. Я. Прокоповича, стр. 30), очевидно, характеризуя этимъ степень его «научнаго» значенія, какъ профессора. О самихъ же «побѣдителяхъ» мы находимъ въ одномъ изъ писемъ Гоголя къ М. А. Максимовичу очень характерный отзывъ. Сообщая своему земляку объ одномъ знакомомъ, искавшемъ мѣста въ Кіевскомъ округѣ, Гоголь писалъ, что знакомый этотъ «въ Нѣжинъ не изъявляетъ желанія, зная, что тамъ болѣе трудностей, потому что гимназія имѣетъ особенныя права и постановленія, да притомъ знаетъ, что тамашніе профессора—большія бестіи, отъ которыхъ уже товарищи его, вмѣстѣ съ нимъ воспитывавшіеся и бывшіе тамъ профессорами, пострадали». (Сб отд. рус. яз. и слов. Имп. ак. н. т. XVIII, № 3, стр. 42). Очевидно, исторія эта произвела очень тяжелое впечатлѣніе

на современныхъ ей нѣжинскихъ воспитанниковъ, и впечатлѣніе это, несомнѣнно, занимаетъ видное мѣсто въ ряду источниковъ того недовольства окружающимъ, которое мы замѣчаемъ въ Гоголѣ въ послѣдніе годы пребыванія его въ Нѣжинской гимназіи.—Весьма возможно, что и мысль о „чужихъ краяхъ", явившаяся въ Петербургѣ у товарища Гоголя Высоцкаго и съ такимъ увлеченіемъ воспринятая Гоголемъ, находится въ связи съ этимъ впечатлѣніемъ.

Говоря о первой поѣздкѣ Гоголя заграницу, г. Шенрокъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, утверждаетъ, будто „цѣлью путешествія Гоголя былъ вовсе не Любекъ и даже никакъ не Гамбургъ; это были только первыя станціи на его предпологавшемся пути" (стр. 186). Утвержденіе это совершенно противорѣчитъ яснымъ и не нуждающимся ни въ какихъ поясненіяхъ словамъ Гоголя въ письмѣ къ матери отъ 24 Іюля 1829 г.: „....неужасайтесь разлуки, я не далеко поѣду: путь мой теперь лежитъ въ Любекъ" (Кулишъ, V. 87). Въ другомъ письмѣ онъ даже объясняетъ, что поѣздка эта предпринята по совѣту докторовъ, которые послали его въ Травемюндэ. Этимъ мѣстомъ, дѣйствительно, и окончилось все путешествіе Гоголя. Г. Шенрокъ, правда, считаетъ сообщеніе о болѣзни выдумкой со стороны Гоголя, но такое мнѣніе совершенно ни на чемъ не основано, кромѣ желанія на мѣсто яснаго и естественнаго показанія самого Гоголя поставить свое, выдуманное и бездоказательное. Съ этою цѣлію авторъ подвергаетъ всѣ письма Гоголя къ матери по поводу этой поѣздки самому подробному и придирчивому анализу, но, какъ показано будетъ мною далѣе, анализъ этотъ не выдерживаетъ самой поверхностной критики.

Отвергая искренность и правдивость показаній самаго Гоголя о причинахъ его первой поѣздки заграницу, авторъ заканчиваетъ, однако, свой разсказъ объ этой поѣздкѣ большой цитатой изъ моей неоконченной статьи въ «Русской жизни», совершенно не обращая вниманія на то, что въ данномъ вопросѣ я принимаю за достовѣрныя всѣ тѣ показанія Гоголя, которыя онъ отвергаетъ и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ союзникомъ его въ этомъ вопросѣ быть не могу.

Разсматривая отношенія Гоголя къ матери, авторъ замѣчаетъ (на стр. 210): «Онъ питалъ даже надежду помогать ей матерьяльно, но по безпечности и собственному безденежью

ограничивался преимущественно обѣщаніями». Если говорить о первоначальномъ пребываніи Гоголя въ Петербургѣ, до полученія имъ мѣста и до начала его литературнаго поприща, то это, пожалуй, будетъ справедливо. Но авторъ выражается такъ въ главѣ объ отношеніяхъ Гоголя къ матери «въ зрѣлые годы». Это уже вовсе несправедливо. Какъ только онъ устроился матерьяльно, онъ тотчасъ поспѣшилъ облегчить и матерьяльное положеніе матери, о чемъ можно найти неоднократныя упоминанія въ его письмахъ (см. Кулишъ, V, 129, 136, 137, 141, 144, 145, 146, 148, 149, 150, 155, 162, 163 и слѣд.) Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ моей статьѣ о Гоголѣ въ 1831 г., которая будетъ напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Здѣсь же напомню только, что въ пользу матери Гоголь отказался отъ своей части имѣнія, сначала упросивъ ее записывать имѣніе на одно свое имя (Кулишъ, V, 187), а потомъ и совсѣмъ передавъ его ей. (Тамъ-же, VI, 5).

Говоря о началѣ литературнаго поприща Гоголя, авторъ пропустилъ появленіе въ печати его перваго произведенія «Италія» и помѣстилъ (стр. 263), безъ надлежащей провѣрки, извѣстіе о напечатаніи въ «Сѣверн. Архивѣ» переводной статьи его «О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII в.» Между тѣмъ, хотя онъ и получилъ гонораръ за эту статью, но она напечатана не была, о чемъ и было уже мною сообщено въ «Русской жизни». И опять, по странной небрежности, въ большой цитатѣ изъ моей статьи (стр. 295—296) авторъ приводитъ и это мѣсто и даже относящееся къ нему примѣчаніе, совершенно не обративъ вниманія на явное противорѣчіе своего показанія съ моимъ.

Отношенія Гоголя къ Свиньину и къ издававшимся имъ «Отечественнымъ Запискамъ», на которыя указано въ моей статьѣ въ «Русской жизни», оставлены авторомъ безъ всякаго вниманія. А между тѣмъ, это обстоятельство очень важное (въ біографическомъ отношеніи). Въ своей статьѣ я старался доказать, что, во первыхъ, фактъ передѣлки Свиньинымъ повѣсти Гоголя «Бисаврюкъ» ничѣмъ не доказанъ и что, поэтому, во вторыхъ, у Гоголя не было причины прерывать свои сношенія съ «Отечественными Записками», которыя, дѣйствительно, и продолжались въ теченіи почти всего 1830 г., въ которомъ Гоголь помѣстилъ въ журналѣ Свиньина, уже послѣ напечатанія въ немъ повѣсти «Бисаврюкъ«, нѣ-

сколько мелкихъ статеекъ безъ подписи. Въ книгѣ г. Шенрока я нахожу новое подтвержденіе этого (на стр. 197) въ письмѣ матери Гоголя къ его дядѣ. Помѣстивъ это письмо, автору весьма кстати было указать на высказанное мною мнѣніе о непрерывности литературныхъ сношеній Гоголя съ Свиньинымъ въ теченіи 1830 г. Тутъ ему представлялся болѣе удачный случай привести во взаимную связь наши изслѣдованія, чѣмъ онъ дѣлалъ это раньше и менѣе, какъ мы видѣли, удачно. Почему онъ этимъ не воспользовался—непонятно. А воспользоваться слѣдовало, ибо эти литературныя отношенія Гоголя къ Свиньину совершенно упущены біографами Гоголя изъ виду и ими, такимъ образомъ, восполняется пробѣлъ въ его литературномъ поприщѣ. Обстоятельство это тѣмъ болѣе важно, что, слѣдуя показанію самого Гоголя, я привожу въ связь литературныя отношенія Гоголя къ Свиньину съ его служебной карьерой, на что г. Шепрокомъ тоже не обращено никакого вниманія.

Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю нужнымъ замѣтить, что я говорю не о невниманіи къ моей статьѣ (отъ этого ни для кого, кромѣ меня, никакой бѣды не будетъ), а о невниманіи къ намѣченнымъ въ ней подробностямъ въ біографіи Гоголя. Г. Шенрокъ можетъ нераздѣлять моихъ мнѣній, моихъ предположеній, находить ихъ ошибочными, ни на чемъ не основанными. Но именно для ихъ оцѣнки ихъ и надо подвергнуть, въ интересахъ не моихъ, конечно, а самаго дѣла, строгой провѣркѣ.

На стр. 240, въ примѣч. 1-мъ, слѣдуя общераспространенному мнѣнію, г. Шенрокъ утверждаетъ, что Гоголь «сдѣлалъ гораздо меньше того, къ чему былъ призванъ и притомъ сдѣлалъ это въ значительной мѣрѣ благодаря Бѣлинскому, съумѣвшему взростить брошенныя имъ сѣмена и дать имъ новую жизнь».—Примѣчаніе это относится къ тому мѣсту его книги, гдѣ онъ говоритъ о значеніи «позднѣйшихъ вліяній и опыта жизни» на развитіе таланта Гоголя. Это даетъ поводъ думать, что, въ числѣ этихъ вліяній, онъ признаетъ и вліяніе Бѣлинскаго на Гоголя. Это — обстоятельство, настолько важное, что руководствоваться въ немъ одними «ходячими» мнѣніями невозможно, а слѣдуетъ под вергнуть эти мнѣнія серьезной критической провѣркѣ, послѣ которой придется, можетъ быть, признать эти мнѣнія неосно-

вательными. Что Бѣлинскій взростилъ брошенныя Гоголемъ сѣмена, это до нѣкоторой степени вѣрно; но это вовсе не относится къ литературной дѣятельности самаго Гоголя. Это важно для исторіи развитія художественнаго пониманія въ русскомъ обществѣ, передъ которымъ Бѣлинскій, дѣйствительно, явился истолкователемъ гоголевскихъ созданій. Тѣмъ не менѣе это еще не даетъ намъ права говорить о вліяніи Бѣлинскаго на самого Гоголя и на характеръ и содержаніе его поэтическаго творчества. Въ этомъ отношеніи главная роль принадлежитъ не Бѣлинскому, а Пушкину. Но на этомъ вопросѣ авторъ вовсе не остановился и даже не упоминаетъ объ немъ, какъ будто его вовсе не существуетъ, хотя въ книгѣ его есть цѣлая глава объ отношеніяхъ Гоголя къ Пушкину. Но что-же можно сказать существеннаго объ этихъ отношеніяхъ, если не останавливаться на вопросѣ о нравственно-литературномъ вліяніи Пушкина на Гоголя?

И такъ, и по второму пункту, по вопросу о фактической полнотѣ и достовѣрности, въ книгѣ г. Шенрока оказываются довольно существенные пробѣлы.

Наконецъ, что касается самой существенной стороны въ біографическомъ трудѣ г. Шенрока о Гоголѣ,—яснаго, отчетливаго пониманія основныхъ нравственныхъ свойствъ Гоголя,—то смутность и неопредѣленность воззрѣній автора въ этомъ отношеніи обнаруживается совершенно ясно въ безпрестанныхъ психологическихъ противорѣчіяхъ, свидѣтельствующихъ, что онъ не выработалъ себѣ по данному вопросу никакого опредѣленнаго воззрѣнія и увлекается преимущественно своими собственными разсужденіями. Онъ самъ, впрочемъ, сознается, что письма Гоголя, въ своей существенной и наиболѣе драгоцѣнной для его нравственной характеристики части остаются для него неясными. На стр. 190 онъ говоритъ: «Переписка Гоголя съ матерью отъ 1829 и до 1831 г. все еще далеко не можетъ быть названа ни разнообразной по содержанію, ни богатой интересными для біографіи фактами»; а на стр. 194 читаемъ: «Надо помнить, что вообще опредѣленность и ясность непосредственно выступаютъ у Гоголя лишь тамъ, гдѣ онъ говоритъ о вещахъ обыкновенныхъ, о нуждахъ и просьбахъ, или описываетъ какую нибудь мѣстность, городъ, гулянье. Остальныя части писемъ обыкновенно или проникнуты мистическими (?!) размышле-

ніями о своей участи и о дѣйствіи Промысла, проявляющагося въ каждомъ шагѣ юноши и въ каждомъ выдающемся событіи его жизни, или состоятъ изъ лирическихъ изліяній въ изъявленіяхъ благодарности матери за ея постоянныя попеченія и въ заботахъ о ея настоящемъ и будущемъ» *). Положимъ, это сказано при обзорѣ писемъ къ матери 1829—30 гг. и, слѣдовательно, относится, главнымъ образомъ, именно къ этимъ письмамъ. Но и при такомъ ограниченіи, это опредѣленіе содержанія писемъ безусловно невѣрно, не смотря на утвержденіе автора, что едва-ли усомнится въ его выводахъ тотъ, «кто возьметъ на себя трудъ просмотрѣть ихъ, хотя бы при помощи бѣглаго пересмотра нѣсколькихъ писемъ». При бѣгломъ пересмотрѣ мало ли что можно увидать; можно, пожалуй, и ничего не увидать. Но рекомендовать его въ данномъ случаѣ вовсе не слѣдуетъ, а, наоборотъ, надо постоянно настаивать на самомъ внимательномъ отношеніи и къ письмамъ и ко всякому другому біографическому матерьялу. И тотъ, кто внимательно прослѣдитъ и проанализируетъ хотя бы даже тѣ письма, о которыхъ идетъ рѣчь, тотъ найдетъ въ нихъ гораздо болѣе того, что видитъ въ нихъ г. Шенрокъ, потому что исключительно только изъ нихъ мы узнаемъ подробности о жизни Гоголя въ Петербургѣ, о его хлопотахъ пристроиться, о его ежедневномъ времяпрепровожденіи, занятіяхъ, болѣзняхъ, планахъ, надеждахъ; объ отношеніяхъ его къ матери, сестрамъ, родственникамъ, знакомымъ; о его первой любви; о его искреннемъ религіозномъ чувствѣ. Развѣ этого мало? Развѣ это не «интересные для біографіи факты»? Развѣ все это не характерно? Впрочемъ, безполезно задавать такіе вопросы, ибо авторъ, по обыкновенію, самъ же и опровергаетъ себя, говоря на стр. 191—192: «Важно, однако, то, что въ письмахъ разсѣяно не мало отдѣльныхъ намековъ и указаній, на которые необходимо обратить вниманіе, особенно въ виду соотвѣтствія ихъ съ разсказами г. Пащенко и собственными показаніями Гоголя, и, по нашему мнѣнію, необходимо тщательно воспользоваться этими немногочисленными обрывками для цѣлей біографіи»

*) Всѣ цитаты, снабженныя ковычками, выписаны буквально и потому я не повиненъ въ различныхъ „изліяніяхъ въ изъявленіяхъ“, которыхъ у автора не мало. *Ф. В.*

Но это еще не единственный примѣръ непослѣдовательности автора. Психологическій анализъ его до такой степени неустойчивъ, что психологическія противорѣчія встрѣчаются у него довольно часто. Столь же часто обнаруживаетъ онъ и неожиданную проницательность, направленную, къ сожалѣнію, иной разъ вовсе не туда, куда слѣдуетъ. Приведу нѣсколько примѣровъ того и другаго

На первыхъ же страницахъ, говоря о совершенно ясномъ по содержанію письмѣ Гоголя къ родителямъ отъ 13 Іюня 1824 г. о томъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ онъ предстоящаго ему путешествія изъ Нѣжина домой, на лѣтніе каникулы, авторъ глубокомысленно замѣчаетъ: «Какъ ни мало серьезнаго значенія, по всей вѣроятности, заключается въ этихъ, почти еще дѣтскихъ (да не почти, а прямо дѣтскихъ) строкахъ, но для наиболѣе полнаго знакомства съ исторіей внутренняго развитія нашего писателя было бы, можетъ быть, не безинтересно знать, на что онъ здѣсь намекаетъ» (стр. 20). Можно подумать, что рѣчь идетъ о чемъ нибудь, въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно важномъ, но не вполнѣ для насъ ясномъ. Въ дѣйствительности же Гоголь ни на что не намекаетъ и смыслъ письма совершенно ясенъ.

На стр. 29—30, разсказывая о предкахъ Гоголя, авторъ сообщаетъ, что, послѣ Богдана Хмельницкаго родъ Гоголей «подобно многимъ другимъ, подчинился чуждому вліянію и въ числѣ двухъ своихъ представителей вступилъ было въ ряды польскаго шляхетства, но вскорѣ возвратился къ православной вѣрѣ и родной Украйнѣ». Этотъ возвратъ Гоголей въ православіе произошелъ при прапрадѣдѣ нашего писателя, Янѣ Гоголѣ, въ честь котораго потомки его и стали называться Гоголи-Яновскіе. Вторая, прибавочная часть фамиліи явно польскаго происхожденія и прямо свидѣтельствуетъ о временномъ подчиненіи этой фамиліи польскому вліянію. И самъ Гоголь, очевидно, зналъ о такомъ происхожденіи этой прибавки, почему и отбросилъ ее и не любилъ, когда ее употребляли, утверждая, что его фамилія Гоголь, а Яновскій только такъ, прибавка; ее поляки выдумали» («Современникъ» 1854, т. XLIV, кн. III, стр. 86: Воспоминанія М. Лонгинова). Даже мать свою онъ просилъ не употреблять въ письмахъ этой прибавки и адресовать ему «просто Го-

голю, потому что кончикъ моей фамиліи, я не знаю, гдѣ дѣлся. Можетъ быть, кто нибудь поднялъ его на большой дорогѣ и носитъ, какъ свою собственность. Какъ бы то ни было, только я нигдѣ не извѣстенъ здѣсь (въ Петербургѣ) подъ именемъ Яновскаго, и почталіоны всегда почти затрудняются, отыскивая меня подъ этою вывѣскою» (Кулишъ, V, 145). Отвращеніе Гоголя къ прибавочной части своей фамиліи и именно потому, что ее поляки выдумали, совершенно ясно и никакихъ толкованій не требуетъ. Однако г. Шенрокъ, неизвѣстно почему и зачѣмъ, дѣлаетъ предположеніе: «Не слыхавъ, вѣроятно, о происхожденіи этой фамильной прибавки, Гоголь впослѣдствіи отбросилъ ее, говоря, что онъ не знаетъ, откуда она взялась, что ее «поляки выдумали». Какъ же не знаетъ, когда самъ же говоритъ, что ее поляки выдумали? О незнаніи своемъ онъ никогда и нигдѣ не говорилъ: это г. Шенрокъ за него говоритъ.

Въ выноскѣ на стр. 34 мы встрѣчаемъ какія-то до непонятности туманныя соображенія автора, изъ которыхъ рѣшительно нельзя понять, что думаетъ онъ о сообщаемыхъ имъ фактахъ. Соображенія эти вызваны «сопоставленіями», найденными авторомъ въ моей статьѣ о Гоголѣ въ «Русской Жизни».

Коснувшись тѣхъ впечатлѣній, какія вынесъ Гоголь изъ своей семейной жизни и обстановки, я собралъ всѣ тѣ скудныя свѣдѣнія по этому вопросу, какія мы находимъ въ письмахъ Гоголя, причемъ обратилъ особенное вниманіе на тѣ предостереженія относительно дѣвичьей, съ которыми обратился Гоголь къ матери по поводу воспитанія младшей сестры Ольги. И за симъ у меня сказано: «Эта, основательная, конечно, боязнь дѣвичьей не есть слѣдствіе одного только наблюденія со стороны. Съ большою вѣроятностью можно предположить, что она подсказана личными впечатлѣніями самого Гоголя, хотя онъ о себѣ и не упоминаетъ. Не даромъ онъ писалъ матери въ 1829 году изъ С.-Петербурга: «нравственность моя здѣсь была несравненно чище, нежели въ бытность мою въ заведеніи и дома» («Рус. Жизнь» 1891, № 53). А далѣе у меня идетъ оговорка: «Приводя эти отрывочныя извѣстія, мы вовсе не хотимъ сказать чего-либо дурнаго о семействѣ Гоголя. Мы

видимъ въ нихъ только подтвержденіе словъ его, что онъ не получилъ правильнаго нравственнаго воспитанія, о которомъ въ тѣ времена, вообще, мало думали, не только въ семьѣ, но и въ школѣ».

Говоря о первоначальномъ семейномъ воспитаніи Гоголя, авторъ воспользовался этими моими «сопоставленіями» (какъ онъ выражается), но довольно своеобразно. Такъ какъ это дало ему поводъ заподозрить меня въ какихъ то нареканіяхъ на Гоголя, то я считаю необходимымъ войти тутъ въ нѣкоторыя подробности.

Въ выноскѣ своей авторъ говоритъ: «По письмамъ Гоголя къ матери нѣкоторые догадываются, что въ семейной деревенской обстановкѣ его родителей былъ еще одинъ нежелательный и вредный элементъ *), присутствіе котораго въ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ онъ считалъ впослѣдствіи положительно вопіющимъ» **). И далѣе авторъ дѣлаетъ, заимствованное изъ моей статьи, указаніе на вредное вліяніе дѣвичьей. Такимъ образомъ, онъ не только воспользовался приведенными мною фактами, но даже усилилъ ихъ значеніе, заявивъ, что они свидѣтельствуютъ о существованіи въ деревенской обстановкѣ Гоголя нежелательнаго и вреднаго элемента, присутствіе котораго въ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ Гоголь считалъ, будто-бы, впослѣдствіи «положительно вопіющимъ» ***). Слѣдовательно, то, на что я указалъ, какъ на намекъ, т. е. какъ на нѣчто не вполнѣ ясное и опредѣленное, у г. Шенрока обратилось въ вопіющій фактъ. Тѣмъ не менѣе онъ на меня же обрушивается съ упреками за то, что я касаюсь щекотливыхъ обстоятельствъ. «Недоумѣваемъ, говоритъ онъ, «какъ могъ авторъ статьи рѣшиться рядомъ съ этими сопоставленіями прибавить, что недаромъ писалъ Гоголь матери въ 1829 г. изъ Петербурга: «нравственность моя здѣсь была несравненно чище, нежели въ бытность мою въ заве-

---

*) Курсивъ принадлежитъ г. Шенроку.

**) Курсивъ принадлежитъ мнѣ.

***) Должно замѣтить, что авторъ совершенно превратно понялъ смыслъ предостереженій Гоголя. Въ письмѣ Гоголя говорится о дикости, глупостяхъ и предразсудкахъ, которыя пріобрѣтаются дѣвочками въ дѣвичьей. И только. Это нежелательно, о чемъ и писалъ Гоголь, но въ этомъ нѣтъ ничего «вопіющаго». Но указаніе Гоголя на дѣвичью навело меня на мысль, что не только дѣвочки могли усваивать въ ней много дурнаго; и мальчики могли набраться тамъ дурныхъ впечатлѣній. Мои слова превратились у автора въ вопіющій фактъ и, вдобавокъ, приписаны Гоголю. *Ф. В.*

денія и дома». Этотъ и дальнѣйшіе намеки (какіе? у меня никакихъ дальнѣйшихъ намековъ нѣтъ) касаются столь щекотливыхъ подробностей юношеской жизни, что выдвигать ихъ едва ли полезно и нужно, какъ и нѣкоторыя игривыя недомолвки Гоголя въ интимныхъ письмахъ къ товарищамъ, тѣмъ болѣе, что все это могло быть сказано въ шутку и многое нуждалось бы въ подтвержденіи, если бы того заслуживало. Мы съ своей стороны не беремъ на себя останавливаться на этомъ, а равно и въ дальнѣйшемъ изложеніи на нѣкоторыхъ двусмысленныхъ подробностяхъ гимназической распущенности въ Нѣжинѣ, въ которой, какъ признается и авторъ статьи, Гоголь едва ли былъ повиненъ, «будучи увлеченъ вовсе не въ ту сторону».

Вся эта фальшивая щекотливость г. Шенрока свидѣтельствуетъ только о его своеобразномъ обращеніи съ фактами. Вѣдь не я выдумалъ тѣ факты, которые заставили Гоголя написать матери, что въ Петербургѣ нравственность его была несравненно чище, нежели въ бытность въ заведеніи и дома. Вѣдь это онъ самъ написалъ и, вдобавокъ, по непосредственному поводу, вызванный на это неосновательными подозрѣніями матери (см. Кулишъ, V, 95—96). Я только счелъ необходимымъ отыскать объясненіе этому заявленію Гоголя и нашелъ намекъ (не болѣе, ни о какихъ вопіющихъ впечатлѣніяхъ дѣтства я не говорилъ и самъ Гоголь объ этомъ не говоритъ; это опять говоритъ за насъ г. Шенрокъ) на это объясненіе въ томъ, что говоритъ Гоголь о вліяніи дѣвичьей. И самъ же я ограничилъ до minimum'а значеніе этого намека, заявивъ, что приводя его, я не хочу сказать чего либо дурнаго о семейной жизни Гоголя. Еще съ меньшимъ правомъ можно думать, будто я хотѣлъ сказать что нибудь дурное о личной нравственности самого Гоголя. Мой взглядъ на него въ этомъ отношеніи совершенно ясно и опредѣленно выраженъ въ моей статьѣ въ „Русской жизни", какъ во вступленіи, такъ и въ самомъ, хотя неоконченномъ, біографическомъ очеркѣ. Поэтому, я считаю себя вполнѣ гарантированнымъ отъ какихъ бы то ни было подозрѣній въ этомъ отношеніи. Очевидно, слѣдовательно, что въ моемъ намекѣ надо видѣть, по моему мнѣнію, одну изъ неизбѣжныхъ подробностей простаго и нѣсколько наивнаго семейнаго деревенскаго быта, въ которомъ подростающее поколѣніе не гарантировано

отъ нѣкоторыхъ нежелательныхъ въ нравственномъ отношенiи впечатлѣнiй не по безнравственности, а по наивной безпечности и простодушiю. Только подобныя впечатлѣнiя, весьма важныя, однако, въ дѣтскомъ возрастѣ, я и разумѣлъ въ своемъ намекѣ. Ни о чемъ большемъ я не говорилъ и считаю, что у насъ нѣтъ никакихъ основанiй говорить.

Но, съ другой стороны, я не нахожу правильнымъ игнорировать какiя бы то ни было подробности въ жизни писателя, какъ бы они ни были «щекотливы», разъ объ нихъ заявлено въ печати. Другой вопросъ, слѣдуетъ-ли ихъ оглашать; но я его здѣсь не касаюсь, а разумѣю только то, что уже оглашено и стало доступно всеобщему обсужденiю. Вполнѣ соглашаясь съ чрезвычайно удачно выраженною мыслью автора, что касаться интимной жизни человѣка слѣдуетъ осторожно и что «переходя отъ разъясненiя къ суду», можно впасть въ грубую ошибку (стр 215), я не могу, въ то же время, признать правильнымъ тотъ щекотливый ригоризмъ, который выразилъ авторъ въ цитированной уже выноскѣ на стр 34—35 своей книги, все по поводу моихъ «сопоставленiй», касающихся семейной и школьной жизни Гоголя. По его мнѣнiю, «выдвигать» затронутыя мною подробности «едва-ли полезно и нужно, какъ и нѣкоторыя игривыя недомолвки Гоголя въ интимныхъ письмахъ къ товарищамъ», которыми я воспользовался при очеркѣ нравственной стороны жизни воспитанниковъ Нѣжинской гимназiи. Но съ подобнымъ взглядомъ на разработку бiографiи какого бы то ни было общественнаго дѣятеля невозможно согласиться. Переходить отъ разъясненiя къ суду, дѣйствительно, мы не имѣемъ никакого нравственнаго права. Но безъ разъясненiя уже обнародованныхъ бiографическихъ данныхъ обойтись ни подъ какимъ видомъ нельзя, ибо иначе эти данныя легко могутъ подать поводъ къ разнымъ неправильнымъ и уже, конечно, нежелательнымъ толкованiямъ. Слѣдовательно, разъяснять ихъ и полезно и нужно, и я въ своей статьѣ только разъясненiемъ и ограничился, не высказывая никакого суда ни надъ Гоголемъ, ни надъ его товарищами.—Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, если существуютъ нежелательные въ нравственномъ отношенiи факты, то кто-нибудь долженъ же быть отвѣтственъ за нихъ и, при разъясненiи этихъ фактовъ, нельзя обойти этого вопроса о чьей либо нравственной за нихъ отвѣтственности. Если не виноваты тѣ, кто непосред-

средственно совершилъ осуждаемые поступки, то виноватъ кто нибудь другой. Въ чемъ нибудь должна же заключаться причина осуждаемыхъ фактовъ. И отыскать ее необходимо для разъясненія самаго вопроса. Это я и попытался сдѣлать въ своей статьѣ, указавъ, какъ на причину осуждаемыхъ мною фактовъ, на неудовлетворительность нравственно-воспитательнаго воздѣйствія нѣжинскихъ педагоговъ на ихъ питомцевъ. «Отсутствіе правильной внутренней организаціи въ заведеніи», сказано въ моей статьѣ, «при весьма неудовлетворительномъ, за немногими исключеніями, учебно-воспитательномъ персоналѣ, должно было ощутительнѣе всего обнаружиться на нравственной жизни нѣжинскихъ питомцевъ, не на одномъ только внѣшнемъ ихъ поведеніи, но, главнымъ образомъ, на той внутренней нравственной жизни учащихся, отъ которой зависитъ и само внѣшнее поведеніе». И далѣе, по письмамъ Гоголя, приведены у меня факты, дающіе возможность составить себѣ нѣкоторое понятіе о нравственной жизни нѣжинскихъ воспитанниковъ во времена Гоголя. Г. Шенрокъ называетъ эти факты «игривыми недомолвками», сказанными въ шутку, но это все то же своеобразное отношеніе его къ имѣющимся у него въ рукахъ даннымъ, съ которыми онъ считаетъ себя въ правѣ обращаться вполнѣ произвольно и толкуетъ ихъ не согласно съ ихъ дѣйствительнымъ значеніемъ, а какъ вздумается.

Такой же произволъ видимъ мы у него и въ выборѣ свидѣтельствъ. Какъ любовныя похожденія нѣжинскихъ гимназистовъ превратились у г. Шенрока въ «игривыя недомолвки» Гоголя (какъ будто даже и «игривыя недомолвки» появляются такъ, ни съ того, ни съ сего, ради «шутки»!), такъ, на стр. 44, симпатичная и гуманная личность отца Гоголя, Василія Аѳанасьевича, нарисованная самимъ же г. Шенрокомъ на основаніи свидѣтельствъ лицъ, его знавшихъ, вдругъ превращается просто въ человѣка «въ высшей степени интереснаго, безподобнаго разказчика», только потому, что такъ охарактеризовалъ его А. С. Данилевскій. Почему отзывъ послѣдняго не просто дополняетъ отзывы другихъ лицъ, а получилъ въ глазахъ г. Шенрока титулъ «болѣе простой и вѣрной» характеристики — не понятно.

Вообще надо замѣтить, что показанія А. С. Данилевскаго пользуются преимущественнымъ довѣріемъ г. Шенрока, не-

смотря на то, что послѣднему, по его собственному сознанію, удалось овладѣть только одной канвой воспоминаній А. С. Данилевскаго (стр. 94), которую еще надо было провѣрить, но этому помѣшали болѣзнь и смерть Данилевскаго.

Мы уже видѣли выше, въ эпизодѣ съ Э. А. Верзилиной, насколько можно довѣрять разсказамъ А. С. Данилевскаго. Приведу другое, столь же сомнительное, его сообщеніе. Разсказывая (на стр. 48) о широкой барской жизни Д. П. Трощинскаго въ Кибенцахъ, г. Шенрокъ, со словъ А. С. Данилевскаго, сообщаетъ, будто «однажды былъ преоригинальный случай съ какимъ-то артиллерійскимъ офицеромъ Б***. Онъ попалъ въ Кибенцы случайно передъ имянинами Трощинскаго и въ видѣ сюрприза устроилъ фейерверкъ. За услугу его обласкали, и ему такъ понравилось у Трощинскихъ, что онъ такъ и остался у нихъ проживать года на три». Если не ошибаюсь, это давнишній анекдотъ, разсказываемый не о Трощинскомъ, а объ извѣстномъ фаворитѣ Екатерины II Зоричѣ. Но если во времена Екатерины, при тогдашней потемкинской распущенности военныхъ, такой случай былъ возможенъ, то врядъ ли онъ былъ возможенъ въ болѣе строгія времена Императора Александра I. Относясь съ такой довѣрчивостью къ нѣкоторымъ сомнительнымъ сообщеніямъ А. С. Данилевскаго, г. Шенрокъ, съ другой стороны, обнаруживаетъ иногда непонятную придирчивость къ словамъ Гоголя. Сличая, напр., на стр. 74—75, два дѣтскихъ письма Гоголя къ родителямъ, авторъ старается подробнымъ анализомъ выяснить причину ихъ различія по содержанію и, между прочимъ, удивляется, что въ первомъ письмѣ Гоголь писалъ, что совершенно здоровъ, а во второмъ, писанномъ на другой день, сообщалъ, что у него болѣла грудь. Но что же тутъ страннаго и какое тутъ противорѣчіе: вчера грудь не болѣла, а сегодня болитъ, т. е. заболѣла, сегодня именно и начала болѣть, потому что всякая болѣзнь когда нибудь да начинается.

Но особенно интересенъ анализъ авторомъ отношеній Гоголя къ матери. Тутъ онъ не выдерживаетъ никакой послѣдовательности и потому противорѣчія особенно часты.

Такъ, на стр. 108, 109 и 110 онъ утверждаетъ, что отношенія эти исполнены были «откровенности и непринужденности» и были вполнѣ искренними, «безъ малѣйшей натянутости или скрытности», «интимная жизнь Гоголя была вообще

открыта для матери». Но на стр. 114 онъ уже говоритъ какъ разъ обратное: разсказывая о мучительномъ душевномъ состояніи Гоголя, испытанномъ имъ послѣ неожиданной смерти отца, авторъ пишетъ: «онъ (Гоголь) впадаетъ въ мучительное и безвыходное противорѣчіе съ самимъ собою, будучи неизбѣжно вынуждаемъ причинять ей (матери) все новыя тревоги, тогда какъ ему всего болѣе хотѣлось бы снять съ нея бремя заботъ. Такъ представляется дѣло на основаніи словъ Гоголя; вопросъ только въ томъ, насколько эти слова были искренни». Далѣе сообщается, что профессоръ Кояловичъ вполнѣ вѣритъ въ юношескую искренность Гоголя, а засимъ, по поводу выраженнаго Гоголемъ въ письмѣ къ матери признанія, что онъ занимался неусердно и передъ экзаменами старается вознаградить упущенное, приводится мнѣніе О. Ѳ. Миллера, заподозрившаго искренность сообщеній Гоголя о его занятіяхъ.

Эти противорѣчивыя мнѣнія другихъ изслѣдователей привели г. Шенрока въ недоумѣніе и онъ не можетъ придти ни къ какому опредѣленному выводу. По поводу дѣйствительно неосновательнаго подозрѣнія О. Ѳ. Миллера онъ совершенно справедливо замѣчаетъ: «но едва ли слѣдуетъ въ его (Гоголя) дѣтскихъ увѣдомленіяхъ видѣть однѣ неискреннія фразы». А черезъ нѣсколько строкъ ослабляетъ свое «едва-ли» словами: «Правда, въ оправданіяхъ Гоголя звучитъ отчасти какая то фальшивая нота, но нельзя согласиться съ тѣмъ, что его слова были только одной «реторикой въ трагическомъ вкусѣ». На планы Гоголя и его юношескія стремленія не обращено вниманія, а заподозрѣнное притворство, можетъ быть, слишкомъ подчеркнуто». Далѣе, на стр. 123, послѣ цитаты изъ статьи Кояловича, авторъ обращается къ читателямъ съ такими словами: «Въ приведенныхъ строкахъ покойнаго профессора усиленно обращаемъ вниманіе на выразившееся въ нихъ довѣріе къ искренности сыновнихъ чувствъ Гоголя и еще разъ замѣтимъ, что сомнѣнія, высказываемыя въ этомъ смыслѣ въ нашей печати, представляются и намъ излишне преувеличенными».

Не угодно-ли разобраться въ этой постоянной смѣнѣ одного мнѣнія другимъ, ему противоположнымъ! Вмѣсто того, чтобы составить себѣ ясное, твердое и опредѣленное мнѣніе по дан-

ному вопросу и оцѣнить по достоинству мнѣнія о немъ другихъ изслѣдователей, что вполнѣ возможно на основаніи имѣющихся у насъ въ рукахъ данныхъ, г. Шенрокъ старается соединить несоединимое и въ результатѣ получается какое то неопредѣленное перескакиваніе отъ одного мнѣнія къ другому.

Далѣе, въ разсказѣ о первой поѣздкѣ Гоголя за границу, всѣ письма его къ матери объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ эту поѣздку, признаны авторомъ неискренними и онъ видитъ въ нихъ хитрость со стороны Гоголя, подходы изъ далека и т. п. Такое недовѣріе возлагаетъ на автора обязанность на мѣсто отвергнутыхъ показаній самого Гоголя поставить какія нибудь другія причины его поѣздки. Но онъ этого не сдѣлалъ, такъ какъ и сдѣлать этого нельзя, ибо никакихъ другихъ причинъ не было. Поэтому, первая поѣздка Гоголя за границу оказывается въ изложеніи г. Шенрока совсѣмъ не мотивированною, и читатель остается въ полномъ недоумѣніи, что же вызвало такой поступокъ со стороны Гоголя? Насколько шатки тѣ основанія, на которыхъ построено авторомъ это недовѣріе къ искренности и правдивости Гоголя въ данномъ случаѣ, видно изъ того, что, стараясь уличить Гоголя въ противорѣчіи самому себѣ, авторъ утверждаетъ, будто Гоголь, сославшись сначала на любовь къ какой-то неизвѣстной особѣ, какъ на причину своей неожиданной поѣздки заграницу, измѣнилъ потомъ это показаніе и предлогомъ своей поѣздки выставилъ болѣзнь. Но указаніе на болѣзнь сдѣлано Гоголемъ не для оправданія своей поѣздки, а для объясненія, почему онъ поѣхалъ именно въ Любекъ, а не въ какое нибудь другое мѣсто. Слова его такъ ясны, опредѣленны и точны, что не допускаютъ никакого инаго пониманія и толкованія: «я, кажется, и забылъ объявить вамъ главной причины, заставившей меня именно ѣхать въ Любекъ». (Кулишъ, V, 90).

Такимъ образомъ, въ одномъ изъ важныхъ случаевъ въ жизни Гоголя, въ которомъ вообще всякій болѣе или менѣе правдивый и искренній человѣкъ имѣетъ право на довѣріе къ своимъ словамъ, г. Шенрокъ отказываетъ Гоголю въ этомъ довѣріи и на мѣсто его прямыхъ, откровенныхъ и искреннихъ признаній ставитъ свои собственныя догадки и соображенія или ссылается на показанія А. С. Данилевскаго, лица, хотя

и очень близкого къ Гоголю, но, во всякомъ случаѣ, въ вопросахъ интимной его жизни не имѣющаго никакого права на предпочтеніе. Интереснѣе всего, что въ данномъ случаѣ г. Шенрокъ, самъ того не замѣчая, оказывается въ противорѣчіи съ самимъ собою, подтверждая высказанную мною выше мысль, что онъ не составилъ себѣ никакого опредѣленнаго понятія объ основныхъ нравственныхъ свойствахъ Гоголя. На стр. [illegible]-й, говоря о важномъ и даже преимущественномъ значеніи для біографіи Гоголя его писемъ, сравнительно со всѣми остальными матеріалами, онъ совершенно справедливо говоритъ: «Дѣйствительно, не говоря уже о томъ, что всѣ остальные источники для знакомства съ личностью Гоголя, какъ напр., воспоминанія разныхъ близкихъ къ нему лицъ, даже при возможной полнотѣ, не могутъ дать такого удовлетворительнаго средства слѣдить за постепеннымъ ходомъ этого развитія, такъ какъ всегда оставалось бы много субъективнаго въ самомъ выборѣ и даже передачѣ подробностей, которыя могутъ зависѣть не только отъ пониманія и личнаго взгляда разсказчика, но и отъ разныхъ случайныхъ причинъ, напр., отъ того, что случайно лучше сохранилось въ его памяти, что ему пріятно или непріятно было передать,—помимо всего этого такія данныя во всякомъ случаѣ не имѣютъ полной убѣдительности несомнѣнныхъ фактовъ, какая несомнѣнно принадлежитъ письмамъ. Отсюда слѣдуетъ, если въ настоящее время возможно какое-нибудь болѣе обстоятельное разъясненіе личности Гоголя, то преимущественно на основаніи писемъ, которыя не только сами по себѣ представляютъ обильный и въ высшей степени цѣнный матеріалъ для знакомства съ внутренними мыслями и чувствами Гоголя, но, будучи сопоставлены съ разными мѣстами въ его сочиненіяхъ, могли бы, конечно, еще теперь раскрыть многое, на что прежде не обращалось достаточно вниманія».—Оказывается, что это просто только слова, одно теоретическое разсужденіе, отъ котораго самъ авторъ почему-же и [illegible]ся, когда ему понадобится доказать не то, о чемъ свидѣтельствуютъ письма Гоголя, а свою собственную, предвзятую мысль.—Тогда письмамъ Гоголя не придается никакого значенія и отъ ясныхъ и опредѣленныхъ показаній [illegible] противорѣчивыми разсужденіями и соображеніями самого г. Шенрока. По поводу-же, напр., вопроса о первой заграничной поѣздкѣ Гоголя мы

находимъ еще новое доказательство этого. На стр. 140, говоря объ отношеніяхъ Гоголя къ Высоцкому, авторъ сообщаетъ совершенно спокойно, безъ всякой тѣни сомнѣнія (котораго въ данномъ случаѣ и не должно, конечно, быть), что Высоцкій, раньше Гоголя кончившій курсъ и уѣхавшій въ Петербургъ, успѣлъ тамъ составить «со своими новыми, петербургскими товарищами проэктъ заграничнаго путешествія, въ который не забылъ включить и своего нѣжинскаго пріятеля» (т. е. Гоголя). На основаніи этого, на слѣд. 141 стр. авторъ дѣлаетъ совершенно правильный выводъ: «Такимъ образомъ мечта, зародившаяся въ головѣ Высоцкаго, хотя и бывшая плодомъ мимолетнаго увлеченія, едва-ли не послужила отдаленной причиной совершенной Гоголемъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ поѣздки за границу». Но на стр. 184, когда г. Шенроку понадобилось доказать неискренность Гоголя, его хитрость и подходы издалека въ письмахъ къ матери по поводу этой поѣздки, сообщеніе его о давно уже существовавшемъ проэктѣ этой поѣздки признано авторомъ выдумкой и онъ съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: «Но кто бы могъ быть такимъ великодушнымъ другомъ Гоголя въ совершенно чуждомъ городѣ? А. С. Данилевскій (высшій авторитетъ для г. Шенрока въ вопросахъ о жизни Гоголя) не слыхалъ отъ него ни о чемъ подобномъ». Мало этого. Сообщеніе Гоголя о давно задуманной заграничной поѣздкѣ прямо выставляется далѣе, какъ одна изъ тѣхъ «хитростей», которыми Гоголь хотѣлъ подѣйствовать на мать, «чтобы загронуть чувствительную струну ея материнскаго честолюбія». А въ выноскѣ на стр. 230 авторъ категорически говоритъ, что ему «фантастическая (?) любовь Гоголя кажется такимъ же отважнымъ вымысломъ съ его стороны, какъ и сообщеніе о великодушномъ другѣ и покровителѣ, будто бы обѣщавшемъ везти его на свой счетъ заграницу, но внезапно скончавшемся».

Съ подобнымъ противорѣчивымъ и ни на чемъ, кромѣ собственнаго произвола, не основаннымъ анализомъ нельзя, конечно, добраться ни до какихъ серьезныхъ, ясныхъ и опредѣленныхъ выводовъ, которыхъ и дѣйствительно очень мало въ книгѣ г. Шенрока, и весьма возможно, что въ слѣдующихъ обѣщанныхъ имъ томахъ мы встрѣтимъ опровержепіе того, что говорится въ разбираемомъ нами первомъ томѣ.

Но мы еще не покончили съ противорѣчіями автора въ этомъ первомъ томѣ. И хотя я боюсь утомить читателя разными мелкими подробностями; но, вѣдь, съ другой стороны, біографія Гоголя стоитъ того, чтобы ко всякому труду по этому предмету отнестись серьезно и внимательно. Не только обстоятельства важныя и существенныя, но даже всякая, на первый взглядъ ничтожная, подробность, всякій мелкій фактъ, всякое, высказанное кѣмъ либо, мнѣніе имѣетъ иногда очень важное значеніе, ибо, распространяясь, безъ всякой провѣрки, въ обществѣ, содѣйствуетъ образованію болѣе или менѣе вѣрнаго взгляда на личность писателя.

Прослѣдимъ, поэтому, за противорѣчіями автора до конца.

На стр. 125, приступая къ обзору писемъ Гоголя къ товарищу его Высоцкому, авторъ говоритъ, будто «подъ вліяніемъ Высоцкаго зародились у Гоголя самонадѣянныя мечты о будущемъ и рѣзкое осужденіе настоящаго», а на стр. 127 онъ спрашиваетъ въ недоумѣніи: «Какъ проникнуть въ любопытную тайну зарожденія и постепеннаго развитія въ его душѣ тѣхъ самоувѣренныхъ надеждъ, которыя составляли главную гордость и богатство его внутренняго міра въ счастливую пору юности»? И на стр. 129 самъ же и даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, указавъ «на внутреннія, непостижимыя особенности геніальной натуры, какъ на главную причину рано пробудившихся въ Гоголѣ широкихъ идеаловъ и стремленій».

Что остается думать читателю, встрѣчающему такой противорѣчивый анализъ? И какое понятіе останется у читателя о душевныхъ процессахъ у Гоголя, послѣ прочтенія такихъ противорѣчивыхъ объясненій? Но и это еще не все. Авторъ вообще слишкомъ преувеличилъ вліяніе на Гоголя его сверстниковъ и изъ нихъ преимущественно Высоцкаго.

Посвятивъ разсмотрѣнію писемъ Гоголя къ послѣднему цѣлую главу, г. Шенрокъ прямо заявляетъ: «сближеніе Гоголя съ Высоцкимъ имѣло, несомнѣнно, нѣкоторое вліяніе на образованіе его нравственной личности: оно въ значительной степени опредѣлило характеръ его отношеній къ окружающимъ, сообщило извѣстный взглядъ на самаго себя и на свои силы, наконецъ на задачи будущей своей дѣятельности» (стр. 124). Но, по не разъ уже отмѣченной нами странной непослѣдовательности автора, непосредственно

вслѣдъ за этими словами читаемъ у него слѣдующія строки: «Выборъ друга, если вѣрить словамъ самаго Гоголя (а есть основаніе не вѣрить?), былъ не случайный: нравственная связь въ данномъ случаѣ основывалась на сходствѣ взглядовъ и отношеній къ окружающему міру». Такимъ образомъ, характеръ отношеній Гоголя къ окружающему міру приписывается авторомъ вліянію того именно товарища Гоголя, съ которымъ Гоголь сблизился вслѣдствіе сходства этого самаго отношенія къ окружающему міру! Ясно, что у автора нѣтъ ровно никакого представленія о томъ, о чемъ онъ говоритъ, и онъ на каждомъ шагу совершенно спокойно опровергаетъ самъ себя.

Пытаясь далѣе выяснить вліяніе на Гоголя товарищеской среды, г. Шенрокъ разсуждаетъ (стр. 124—125): «Такъ какъ мы знаемъ изъ собственнаго признанія Гоголя и отзывовъ его друзей о ничтожныхъ результатахъ, вынесенныхъ имъ изъ школы, то, очевидно, слѣдуетъ допустить важность для его развитія бесѣдъ съ немногими избранными сверстниками, посвященными въ тайны его интимнаго міра». Изъ этого разсужденія г. Шенрока прямо и непосредственно вытекаетъ слѣдующее: Гоголь, самый даровитый изъ всѣхъ тогдашнихъ учениковъ Нѣжинской гимназіи, ничего почти не усвоивъ изъ гимназическаго курса, обязанъ въ своемъ развитіи бесѣдамъ съ немногими избранными товарищами, которые всѣ были ниже его по дарованію. Но откуда же они то набрались той премудрости, которую передали своему геніальному однокашнику? Вѣдь если школа не дала ничего Гоголю, то она ничего не дала и его соученикамъ. Но, можетъ быть, Гоголь былъ отъявленный лѣнтяй, а избранные его сверстники были, наоборотъ, образцами трудолюбія и прилежанія? Данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ у насъ никакихъ нѣтъ. Мы знаемъ только, что Гоголь нѣкоторыми предметами занимался мало и плохо, а какъ занимались его товарищи, объ этомъ мы ничего опредѣленнаго сказать не можемъ. Но вотъ что мы знаемъ опредѣленно и точно: что въ гимназіи не всѣ педагоги были плохи. Между ними были и такіе, о которыхъ ихъ ученики вспоминали впослѣдствіи съ любовію и благодарностью, каковы: Шаполинскій, Бѣлоусовъ, Зингеръ, Ландражинъ, Андрущенко и Соловьевъ. О профессорѣ Шаполинскомъ покойный профессоръ Рѣдкинъ отозвался въ такихъ теплыхъ, исполнен-

ныхъ искренняго уваженія, выраженіяхъ: «Безукоризненная честность, неумытная справедливость, правдолюбивое прямодушіе, скромная молчаливость, тихая серьезность, строгая умѣренность и воздержаніе въ жизни, отсутствіе всякаго эгоизма, всегдашняя готовность ко всякаго рода самопожертвованіямъ для пользы ближняго — вотъ основныя черты нравственнаго характера этого чистаго человѣка, достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучшей участи. Какъ профессоръ, онъ горячо любилъ и очень хорошо зналъ преподаваемые имъ предметы и излагалъ ихъ съ краткою, но ясною сжатостью, безъ всякаго фразерства, но съ увлеченіемъ, умѣя заохочивать къ ихъ изученію тѣхъ изъ учениковъ, въ которыхъ таилась искра безкорыстной преданности истинѣ, наукѣ». («Гимн. высш. наукъ и Лицей Кн. Безбородко», изд. 2, стр. 317).

О Бѣлоусовѣ и Зингерѣ мы имѣемъ сообщенія Н. В. Кукольника, который о первомъ изъ нихъ говоритъ, что онъ былъ и искусный преподаватель, съумѣвшій въ сжатой, но удобопонятной формѣ изложить исторію философіи и естественнаго права, и человѣкъ справедливый, честный, доступный, у котораго всегда находился для учениковъ добрый совѣтъ и необходимое ободреніе. О проф. же Зингерѣ Н. В. Кукольникъ говоритъ, что онъ открылъ ученикамъ «новый, живоносный родникъ истинной поэзіи»; что до него «на нѣмецкихъ лекціяхъ обыкновенно отдыхали сномъ послѣобѣденнымъ». Зингеръ «умѣлъ разогнать эту сонливость увлекательнымъ преподаваніемъ, и не прошло и года, у новаго профессора были ученики, переводившіе «Донъ Карлоса» и другія драмы Шиллера, а вслѣдъ затѣмъ и Гете, и Виландъ, и Клопштокъ, всѣ какъ называли классики германской литературы, не исключая даже своеобразнаго Жанъ-Поль Рихтера, въ теченіе четырехъ лѣтъ были любимымъ предметомъ изученія многихъ учениковъ Зингера». Свой біографическій очеркъ этого професора Н. В. Кукольникъ заканчиваетъ словами: «Говоря вообще, Зингеръ принадлежалъ къ числу преподавателей, оставившихъ самыя пріятныя воспоминанія въ своихъ слушателяхъ» (Лицей, стр. 262). Вотъ, значитъ, **одинъ изъ элементовъ**, въ высшей степени **благотворно вліявшихъ на развитіе Гоголя** и его товарищей. **Другой**, еще болѣе сильный и плодотворный **источникъ этого вліянія представляла тогдашняя литература**, съ которой нѣжинскіе ученики были отлично знакомы,

выписывая, по возможности, всѣ литературныя новинки (сочиненія Пушкина, Жуковскаго, «Сѣв. Цвѣты» Дельвига, «Москов. Телеграфъ» Полеваго, «Москов. Вѣстникъ» Погодина).

Такимъ образомъ, вліяніе даровитыхъ и знающихъ профессоровъ—съ одной стороны, вліяніе литературы и журналистики—съ другой, вотъ что содѣйствовало нравственному и умственному развитію Гоголя и его сотоварищей. Объ этомъ вліяніи мы имѣемъ прямое и ясное свидѣтельство самаго Гоголя въ письмѣ его къ Шевыреву (соредактору Погодина по „Москов. Вѣстнику") отъ 10 Марта 1835: „ я васъ люблю почти 10 лѣтъ, съ того времени, когда вы стали издавать „Московскій Вѣстникъ", который я началъ читать, будучи еще въ школѣ, и ваши мысли подымали изъ глубины души моей многое, которое еще до нынѣ не совершенно развернулось" (Рус. Стар. 1875, XIV, 114). Ученическій періодъ жизни Гоголя вообще обработанъ въ книгѣ г. Шенрока очень неудовлетворительно. Хотя онъ посвятилъ этому періоду три главы (стр. 71—107), но изъ нихъ одна вся состоитъ изъ воспоминаній товарища Гоголя А. С. Данилевскаго, а другая (стр. 81—92)—изъ буквальной перепечатки (даже со всѣми относящимися сюда примѣчаніями) того, что говорится объ этомъ періодѣ у Кулиша и Кояловича. Самостоятельно г. Шенрокъ этого періода не изучалъ, а потому и самостоятельнаго, яснаго и опредѣленнаго взгляда его на этотъ, весьма важный въ жизни Гоголя, періодъ мы въ его книгѣ не находимъ.

Выясняя вліяніе на Гоголя переѣзда въ Петербургъ, авторъ впадаетъ въ новыя противорѣчія. «Жизнь въ Петербургѣ произвела значительную перемѣну въ характерѣ Гоголя», говоритъ онъ на стр. 154; а на слѣдующей страницѣ, по поводу приведенныхъ имъ словъ г. Кулиша объ этой же перемѣнѣ, онъ говоритъ, что «они нѣсколько грѣшатъ односторонностью, такъ какъ именно представляютъ не совсѣмъ точное обобщеніе, сдѣланное на основаніи однихъ внѣшнихъ признаковъ». Но черезъ сто страницъ встрѣчаемъ опять такое разсужденіе все о той же перемѣнѣ: «Если знакомство съ Петербургомъ не разъ производило переломъ въ людяхъ среднихъ лѣтъ и съ установившимися убѣжденіями, то, конечно, оно не могло не отразиться весьма замѣтно на всемъ складѣ нравственной личности только что всту-

пающаго въ жизнь и по природѣ крайнѣ впечатлительнаго юноши».

Но самое капитальное противорѣчіе мы находимъ у автора по вопросу о міросозерцаніи Гоголя.

На стр. 157 онъ говоритъ, что Гоголь пріѣхалъ въ Петербургъ «съ извѣстнымъ міросозерцаніемъ и сложившимися взглядами на назначеніе своей жизни и будущей дѣятельности,—міросозерцаніемъ, составляющимъ, каково бы ни было его дѣйствительное достоинство, внутреннее содержаніе юноши». Тоже самое находимъ и на стр. 170. А на стр. 191 уже оказывается, что при неопредѣленномъ и неустановившемся положеніи Гоголя въ Петербургѣ, у него и міросозерцаніе было нѣсколько смутное; а далѣе, на стр. 192, говорится о туманности нѣкоторыхъ мѣстъ «Исповѣди», явившейся «естественнымъ слѣдствіемъ туманности самыхъ воззрѣній автора». И это сказано о произведеніи, написанномъ, какъ извѣстно, въ 1847 г. и принадлежащемъ, поэтому, къ послѣднимъ произведеніямъ Гоголя, относящимся къ тому времени, о которомъ г. Шенрокъ выразилъ на стр. 3-й мнѣніе, какъ разъ противоположное только что приведенному. «Въ позднѣйшую пору своей дѣятельности», читаемъ на этой 3-й стр., «онъ (Гоголь) опредѣленно выразилъ взглядъ на задачу всей своей жизни, къ которой смутно стремился чуть не съ дѣтства, но которую сознательно уяснить себѣ былъ въ силахъ лишь значительно позднѣе».

Спрашивается: Какъ помирить этотъ опредѣленно выраженный взглядъ на задачу всей своей жизни, сознательно уясненный себѣ Гоголемъ въ позднѣйшую пору своей жизни, съ туманностью его воззрѣній въ эту же пору?

Закончу этотъ длинный перечень противорѣчій въ книгѣ г. Шенрока указаніемъ послѣдняго и самаго любопытнаго.

На стр. 192, при разборѣ писемъ Гоголя 1829—30 гг. и сличеніи ихъ съ показаніями Гоголя въ „Авторской исповѣди", г. Шенрокъ говоритъ: „задача будущей полной біографіи должна заключаться, между прочимъ, въ опредѣленіи на основаніи столь скудныхъ источниковъ, что̀ можетъ быть выдѣлено и принято изъ показаній Гоголя въ его „Авторской исповѣди" за достовѣрное, что̀ было имъ дѣйствительно сознаваемо и правдиво передано, и что̀ явилось подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ мнѣній и напа-

докъ, посыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ и заставившихъ его во многихъ отношеніяхъ посмотрѣть на себя и на свое прошедшее иначе, нежели онъ смотрѣлъ бы независимо отъ этой причины".

Но на стр. 221 находимъ, по обыкновенію г. Шенрока, какъ разъ обратное. Приведя нѣсколько строкъ изъ „Автор. исп.", онъ говоритъ по ихъ поводу: „Эти слова, вышедшія изъ устъ писателя въ такую минуту, когда онъ всего менѣе могъ быть расположенъ къ притворству, высказывая съ горечью что давно уже наболѣло на сердцѣ и было плодомъ давняго убѣжденія, заслуживаютъ по нашему мнѣнію, вниманія какъ вообще, такъ особенно въ примѣненіи къ первымъ годамъ его жизни въ Петербургѣ" (т. е. именно въ 1829—30).

Этимъ я и закончу размотрѣніе книги г. Шенрока.

Итогомъ этого разсмотрѣнія будетъ вотъ какой выводъ: Книга эта не можетъ быть названа „Матерьялами" для біографіи Гоголя, потому что большую часть ея составляютъ изслѣдованія самаго г. Шенрока. Но ее нельзя назвать и біографіей Гоголя, ибо для этого она слишкомъ неполна и слишкомъ небрежно обдумана и слишкомъ небрежно написана. Было бы гораздо лучше, если бы, не задаваясь широкими замыслами, г. Шенрокъ составилъ свою книгу изъ тѣхъ, дѣйствительно новыхъ и интересныхъ, матерьяловъ, которые у него имѣются, снабдивъ ихъ необходимыми, хотя бы и подробными объясненіями.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Статья эта почти уже оканчивалась печатаніемъ, когда я прочелъ въ майскомъ №-рѣ «Историческаго Вѣстника» (стр. 583—584) письмо г. Шенрока, заключающее въ себѣ возраженіе на мою рецензію его книги, помѣщенную въ апрѣльскомъ №-рѣ «Историческаго Вѣстника».

По поводу этого возраженія считаю необходимымъ сказать, въ свою очередь, нѣсколько словъ.

«По странной случайности», говоритъ г. Шенрокъ въ своемъ возраженіи, «г. рецензентъ, приведя два-три примѣра въ доказательство моей якобы недобросовѣстности *) и небрежности, попалъ какъ разъ на опечатки, изъ которыхъ одна оговорена въ концѣ книги, другая же явилась при перепечаткѣ съ прежняго изданія, въ которомъ ея не было» **).

Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ изъ отвѣта г. Шенрока находятся двѣ очень крупныя неточности:

Во первыхъ, въ моей рецензіи нѣтъ ни слова о недобросовѣстности г. Шенрока, а говорится только о его небрежности.

Во вторыхъ—изъ двухъ, указанныхъ имъ опечатокъ я признаю только первую, въ которой я не замѣтилъ, что слово скромность поставлено вмѣсто скрытность. Но виновата въ этомъ сама книга г. Шенрока, наполненная такими неточностями и противорѣчіями, что и то противорѣчіе, о которомъ идетъ рѣчь, я не нашелъ страннымъ, а потому мнѣ и въ голову не пришло заглянуть въ опечатки.

Что-же касается второй, указанной г. Шенрокомъ, опечатки, то я совершенно не понимаю, въ чемъ онъ видитъ тутъ

---

*) Курсивъ принадлежитъ мнѣ.

**) Курсивъ принадлежитъ г. Шенроку. *Ф. В.*

опечатку. Въ своей рецензіи я указалъ на невѣрность утвержденія г. Шенрока, будто Гоголь, служа въ Д—тѣ Удѣловъ, 9 Марта 1831 г., т. е. въ день своего увольненія изъ д—та, получилъ въ немъ мѣсто помощника столоначальника, «которое и занималъ до 1832 г.» Г. Шенрокъ говоритъ въ своемъ возраженіи, что это—опечатка, явившаяся при перепечаткѣ съ прежняго изданія, въ которомъ ея не было, и ссылается на первое изданіе своей книги, вышедшее въ 1887 году подъ заглавіемъ: «Ученическіе годы Гоголя». Раскрываю указанную имъ 114-ю страницу въ этомъ первомъ изданіи и нахожу тамъ буквально тоже самое, что и во второмъ изданіи:

«1830 г. 10 апрѣля Гоголь поступилъ уже на службу въ Д—ментъ Удѣловъ, какъ видно изъ выданнаго ему департаментомъ аттестата объ увольненіи. Онъ получилъ мѣсто помощника столоначальника, которое и занималъ до 1832, 9 Марта 1831».

Такимъ образомъ, ясно, что по мнѣнію г. Шенрока, выраженному дважды, въ двухъ его книгахъ, Гоголь получилъ въ Д—тѣ Удѣловъ мѣсто помощника столоначальника 9 Марта 1831 г. (т. е. въ день своего увольненія изъ Д—та) и занималъ это мѣсто до 1832 г. Утверждать, что онъ этого не говорилъ, что это опечатка, онъ не имѣетъ никакого основанія, а между тѣмъ оба эти факта невѣрны, какъ это и объяснено мною выше.

И можно, даже, объяснить, почему именно г. Шенрокъ впалъ въ такую крупную хронологическую ошибку. Оказывается, что аттестатъ объ отставкѣ изъ Департамента Удѣловъ выданъ Гоголю 25 января 1832 г. («Сборн. студ. Спб. Унив»., вып. 1, стр. 345). Это и заставило г. Шенрока утверждать, будто Гоголь оставался на службѣ въ Департаментѣ до 1832 г., ибо онъ, очевидно, думаетъ, что аттестатъ выданъ въ самый день отставки, между тѣмъ какъ онъ выданъ былъ Гоголю черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отставки. Безпечный по части разныхъ оффиціальныхъ формальностей, Гоголь, по всей вѣроятности, вовсе не позаботился объ этомъ аттестатѣ своевременно и обратился за нимъ уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вѣроятно, вслѣдствіе требованія со стороны Патріотическаго института.

Что касается до остальныхъ возраженій г. Шенрока (по поводу указанныхъ мною въ его книгѣ противорѣчій въ ха-

рактеристикѣ отношеній Гоголя къ матери и сбивчивости хронологическихъ показаній дневника А. О. Смирновой), то отвѣтомъ на нихъ можетъ служить предлагаемая брошюра, и потому я останавливаться на нихъ не буду. Но не могу не сказать нѣсколько словъ по поводу заключительныхъ строкъ возраженія г. Шенрока.

Оканчивая свое письмо, онъ говоритъ: «Съ однимъ замѣчаніемъ г. Витберга я совершенно согласенъ. Я вполнѣ раздѣляю его недовольство количествомъ собранныхъ мною матеріаловъ о жизни Гоголя и желаніе видѣть въ печати несравненно больше данныхъ, нежели сколько находится въ моей книгѣ».

Съ крайнимъ сожалѣніемъ долженъ замѣтить, что г. Шенрокъ соглашается со мной въ томъ, чего я вовсе не говорилъ. Сожалѣть о недостаточности собранныхъ имъ матеріаловъ для біографіи Гоголя мнѣ и въ голову неприходило, ибо подобное сожалѣніе было бы нелѣпо. И въ моей рецензіи нѣтъ ни одного слова сожалѣнія или недовольства по этому поводу. О количествѣ заключающихся въ его книгѣ матеріаловъ я говорю только потому, что считаю необходимымъ рѣшить вопросъ о содержаніи его книги. А въ возникновеніи этого вопроса виноватъ онъ самъ, назвавъ свою книгу «Матеріалами» для біографіи Гоголя, а не просто біографіей Гоголя. Между тѣмъ, требованія отъ книги, заключающей въ себѣ «матеріалы» для біографіи писателя, совсѣмъ не тѣ, какія можно и должно предъявить къ книгѣ, содержащей въ себѣ самую біографію. Чтобы установить правильную точку зрѣнія на книгу г. Шенрока, я и указалъ на невѣрность ея заглавія, такъ какъ матеріаловъ въ ней не такъ много, чтобы книгѣ можно было дать то названіе, какое далъ г. Шенрокъ.

